

ИГОРЬ ГЕРГЕНРЁДЕР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ГРАЦИЯ
И АБСОЛЮТ

Игорь Алексеевич Гергенрёдер

Грация и Абсолют

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54860718

SelfPub; 2020

Аннотация

В середине 1970-х, когда советская империя пребывала на пике могущества, о чём кое-кто вздыхает с тоской, прелестная блондинка, которую друзья зовут, словно она парень, Аликом, знакомится с двумя мужчинами: молодым и пожилым. Жалеть ей или нет, что, первой сделав шаг, она позволила вовлечь себя в эксцессы смертельного накала, в историю, которая, благодаря утончённости, не достойна ли истой красоты раффинэ? Она стала участницей трагедии крайне жёсткого и вместе с тем романтического индивидуализма, вызывающего зависть и остервенелую ненависть. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	21
5	25
6	29
7	34
8	38
9	46
10	49
11	54
12	59
13	61
14	63
15	68
16	72
17	75
18	78
19	80
20	85
21	87
22	92
23	95

24	101
25	107
26	111
27	114
28	118
29	123
30	126
31	130
32	132
33	138
Конец ознакомительного фрагмента.	144

1

Первая роль принадлежала Алику. Так в компании звали Аллочку Батанову, склоняя её имя, будто она парень. О её фигурке однажды было сказано – «восточного типа!» Выразительная женственность форм, покатые плечики, округлённость линий... Этим удачно украшалась загадка – или сама загадка была украшением? Не она ли делала походку томно-скользящей, движения – покоряюще-пластичными?

Девушка представала тщеславной, так как в ней таилась неприручаемая колкая застенчивость. С ранних лет Алика охватывала робость, когда она начинала думать, чего нужно ей от любви. Уже в двенадцать лет она чувствовала непомерность требований и смущалась перед собой. Из страха за себя она научилась хорошо играть изменчивую и заносчивую, лукавую и упрямую *играющую девочку*.

Стеснительный дух должен был питаться восхищёнными взглядами, чтобы не нудили маленькие неудовольствия: личико хорошенькое, но несколько широковатое, глаза не изумрудно-зелёные, а серо-зелёные, нос не прямой и чуть вздёрнутый, а с горбинкой.

Алик была талантлива, и её щепетильный вкус оставался неподкупным для неё. Ах, если бы она была заурядностью, восклицая: «Нет яблока розовее Аллочки Батановой!»

Кто знал, как боязливо давалась девушке независимая

непринуждённость? Придумывать себя, влиянием на зрителей кормить уверенность – и лишь тогда сердце произнесёт не запинаясь: «*Блондинка раффинэ*».

«Волосы цвета южного солнца» ниспадают на спину, одна прядь переброшена через плечо и скользит по правой груди. Губы обворожительны: выпуклые, дразнящие. Она подраживала себя как бы готовностью без стыда раздеться, что, на деле, было неотъемлемо от превосходного умения переодеваться. Алик – художник-модельер, получила в это лето 1974 года диплом с отличием.

Её компания собралась насладиться истомой полуденного леса, миндально-праздного от солнечного жара. В отяжелевшей лени сочилась смола из трещин сосновой коры, но хвоя не вяла, а маслянисто блестела, обильно испуская тягучий аромат. Быть может, зной уже не расщедрится столь рьяно: глядишь, завтра выпадет холодная роса, что обычно для этой поры на Южном Урале. Конец сенокосу, отцветают розы, отлетают стрижи. Пасечники подрезают соты, чтобы, как предостерегает поверье, чужие пчёлы не повытащали мёд.

Пятеро расположились метрах в полуста от грунтовой дороги: Боб и Дэн сладили большой костёр, запыхавший почти бездымно. Перед ним раскинут брезент, а поверх постланы одеяла: на них полулежат Алик, Галя и малознакомая ещё им девушка Енбаева.

Боб, футболист областной команды, крепко сбитый, с мощными икрами, молниеносно бросил руку наземь, смотря

на Алика.

– Убил? – болезненно вырвалось у неё.

Он хохотнул:

– Я знаю, ты не любишь. – Поднял впечатляющий кулак и осторожно разжал: с ладони невредимо снялся кузнечик.

– Молодец! – порадовалась Алик вслед скакуну, и Боб с полным правом присвоил поощрение.

Просительно-жарко ухмыльнулся:

– Кобылка!

– Что-что-о? – наострилась Галя.

– В деревне так этих зовут, – объяснил он, имея в виду кузнечиков и стараясь заглянуть в глаза Алику.

Она же прошептала мысленно: «Голубоватый конёк ускакал в мураву. Кому я могла бы послать с ним бисерную веточку?» Она думала, какая у Боба короткая шея, а на груди – довольно-таки ужасная мышья шёрстка.

Второй молодой человек, высокий и привлекательный, правда, сырого сложения, подсовывал в костёр веточки и подумал об Алике: «Как идёт ей эта ненавязчивая меланхолия!»

Он, как и она, – художник-модельер.

– Я завидую Бориному натурализму, – сказал Дэн и слегка повернулся к футболисту. – Ты – сама стихия, Боря!

Боб в таких случаях затруднялся и в манере, которую завёл для подобного, бросил самоуверенно и небрежно:

– А ты думал!

На того и на другого неутешно досадовала Галя, яркая шатенка, не лишённая пикантности, с холодноватыми колючими глазками и себе на уме.

– Ты молчала про эти шароварчики, – обратилась она к Алику. – А почему не те брюки, которые были почти готовы?

– Надену в другой раз, – ответила подруга, а Дэн пояснил за неё:

– Это не шароварчики, а «шальвары» – так называют на Кавказе и вообще на Востоке. Они и блузка – самое удачное для воскресного выезда на шашлык.

– Ну да, – вяло сказала Галя.

Она работала кассиром Аэрофлота, и каждый день кому-то удавался полёт, который без неё бы не удался. Поэтому она могла носить то, что хотели бы носить многие и многие девушки. Сейчас на ней были модные дорогие брючки и рубашка: но Алик в своих небесно-голубых шальварах и бледно-розовой блузке похитила эффект. Она воистину заявила стиль. Подкупающе-женственная нега представляла как бы стыдливой: при том, что шальвары были воздушными и коротковатыми, а блузка – куцей.

Тесный же наряд Гали впечатления целомудрия не производил. Её задевала эта несправедливость, девушка едва удерживала возмущение: «Я, конечно, обтянулась! А она не оголилась? У кого пуп на обозрении? Любуйтесь! И как полёживает изнеженно – принцессой-недотрогой...»

Тем временем молодые люди извлекали из укуса со спе-

циями и нарезанным луком куски мяса и нанизывали на шампуры.

Во взгляде Гали мешались обида, тоска и сожаление. У неё выплеснулось:

– Пятунчик! – нервно обратилась она к Дэну, чьё имя было Денис Пятунин: – Почему твой Ваню нас на косогор не отвёз?

Их доставил сюда на микроавтобусе человек с грузинской кровью Ваню, шофёр овощной базы и приятель Дениса.

Тот терпеливо ответил:

– Туда проезда нет. Газопровод ведут, траншею прорыли.

– И всё равно проезжают! Другие могут, а твой Ваню – нет?

Дэн взглянул на Алику, чтобы она увидела: ему понятно, отчего девушка размахалась плёткой. Затем снисходительно укорил Галю:

– Я не комсорг, Галенька. «За всё в ответе!» – не мой девиз.

Та перевела дух и смолчала, а Алику подумала и уже не в первый раз, как кипуча её подруга. Они росли в одном дворе, вместе ходили в детский сад. Что будет со сладкой привычкой чувствовать себя то голубкой, то ястребком, если прогнать горластую галку? Алику могла бы сказать себе: «Она ревнует ко мне мужчин – потому что дотошно и цепко ревнует к ним меня. И оттого не хочет отвернуться в сторону, где нашлись бы готовые и подходящие».

Не понимала Галю и понимать не собиралась девушка Енбаева. Это была недурненькая завитая брюнетка, дальняя сельская родственница Боба – Бориса Чугунова. Она приехала в город поступать в пединститут, на втором экзамене срезалась и сейчас гостила у родителей Боба, не решаясь открыться, что никак не дождётся грусти по дому. Наивно, вяжуще-ласково упросила взять её в лес, и, когда Боб представлял её друзьям, широко улыбаясь, протягивала руку:

– Енбаева.

Больше всего она боялась, что судьба и дальше будет кормить её крупами и картофелем, от которых спокойно дыхание. А ей так не доставало мясного коричневого переперчённого соуса, чтобы дышать запально – задыхаясь.

Полупрозрачные шальвары Алика вызывали в ней сосредоточение: она не знала, завидовать – восхищаясь? или она вправе облегчить зависть осуждением? Всё это время девушка молчала, но вдруг, встав, стянула платье через голову:

– Кончик лета остался – позагорать напоследок! – и вышла из тени на солнцепёк.

В купальных трусиках и лифчике, она тряхнула обильными вороними кудельками, зажмурилась, раскинула руки и потянулась. Развитое гладкое чувственно-влекущее тело не смущалось мечты.

Боб пренебрегал невзрачно одетой простушкой и теперь напомнил сладёну, который в хлебнице обнаружил эклер.

– Людка... – сказал он и мысленно договорил: «Какая ты гладкая да титястая колхозница!»

А Дэн напоминал крадущегося полуночника, что заглянул в незанавешенное окно. Из-за присутствия Алика он опустил глаза, воровски поводя ими.

– Чтобы на тебя дым не шёл, – проговорил заискивающе и осторожно тронул несгоревшую ветку, – какое-то от меня не зависящее бессистемное движение воздуха... Отодвинем вот этот сучочек и направим дымок левее...

– На меня не идёт, – голос у Алика оказался неожиданно грубоватым.

А Галя в эти минуты смотрела на Енбаеву, как на казнокрадку, обнаружившую свои намерения. «И ведь удастся!» – с этой волнующей мыслью, скосив глаза на Дэна, она проговорила проникновенно:

– Пятунчик, разденемся наперегонки? На спор?

Дэн деланно рассмеялся. А Енбаева инстинктивно выбрала самое удачное – поддержала с прямодушием:

– Ага, давайте! Так приятно! – и повела плечами.

Боб, которому пришла некая мысль, позвал:

– Людка, сбегаете искупаетесь? Тут недалеко.

Озеро находилось в километре и для купания подходило плохо, имея топкие заросшие берега. Люда знать этого не могла, но она понимала другое: на подобные радости и де-

ревня щедра и не только в купальный сезон.

– Если все вместе! – воскликнула она с обезоруживающим подъёмом.

Галя ослепительно улыбнулась ей, а Бобу проворковала понимающе-интимно:

– Тут родственное... сбегайте вдвоём...

Люда увидела, что ей подставили ножку, и не нашла ничего иного, как схватиться в открытую:

– Каждый понимает в меру своей испорченности!

Галя подалась к Бобу:

– А ну – как я понимаю?

Он, словно озорной мальчуган, пойманный девочкой на пустячной шалости, с ухмылкой показал кулак, чьи размеры, правда, нарушали впечатление невинности.

И тут Алик вкрадчиво шевельнулась на одеяле. Глубоко запрятанная робость, которая делала её тщеславной, заговорила о себе дурно. Душа домогалась, чтобы некто редкостный вместил непорочную греховодницу. И оттого, что его не было вблизи, она тем злее показывала себя негодницей.

Она положила одну ножку на другую и подвигала пальчиками, чьи ноготки блестели малиновым лаком: босоножка соскользнула с изящной ступни, зацепившись ремешком за мизинец...

Боба взвилось рёвом сирены. Перед ним бушевало багровое пламя. На него опрокидывалось море. То есть это было нечто более важное, чем пламя и море. Он выбросил ручищу и за-

владел туфлей, сумев каким-то чудом не полатать ножку.

Алик видела возбуждённого пса с мокрым носом и высунутым языком, невыразимо-блистающий взгляд впился в неё, щекоча кожу. Алик с внезапной для её вида страстной грубостью приказала:

– Отдай!

– Не-е!

Она лениво привстала на одеяле, схватила босоножку и попыталась выдернуть её из пятерни спортсмена. Краем глаза видела приготовленный для костра обломок толстого сука. Кто спорит, что поцелуи сладки? С какой усладой поцеловала бы она Боба в переносицу этим обломком!

Галя, перегорая в переживаниях, швырнула в них травинкой:

– Кончайте, футболист и Цирцея!

Незвано принёсся откуда-то звук мотора и властно навязал себя. Боб нехотя, вслед за остальными, повернул голову и выпустил туфлю.

– Ваню? – предположила Галя.

Дэн неуверенно кивнул. Приятель, занятый каким-то коммерческим делом, обещал развезти их по домам, но было ещё рано. Разве что он освободился...

Боба отягощал темперамент, и он с лёгкостью вскочил, ища просветы между ветвями:

– Нет – чёрная «волга», старая модель. – Подпрыгивал на месте, топча жилистыми ногами валежник и всматриваясь в

сторону машины.

Хлопнула дверца, между деревьями замелькала фигура, забирая в сторону, и скрылась среди теснящегося мелколеся.

– Мужчина... – вырвалось у Енбаевой.

– Да? – тонко усмехнулась Галя, напряжённая, ехидная, теряющаяся от эмоций и интереса.

3

Он шагнул из гущи ветвей, и ни одна не шелохнулась. Какое умение ходить окольными путями по лесу! Он сумел незаметно обогнуть их уголок, появившись со стороны, противоположной дороге. У малого была стать, подобающая орлу на скале над всеми, кто не в силах не бегать.

Он сказал, словно никого не видя и спрашивая самого себя:

– Малина тут есть?

Дух Боба захотел схватки. Любя силу своих мышц, спортсмен испытывал удовольствие от жестокости желаний.

– Не искали! – ответил он сумрачно и похвалил себя за бесстрашие задиры.

– Ясно, – сказал незнакомец как терпеливый бедняк и, не глядя на Боба, едва не задев его, прошёл мимо как повелитель.

Безотрывные взгляды провожали его, пока он не пропал за деревьями. Галя, пытаясь скрыть то, что закипало в ней, произнесла тоном неохотно соглашающейся покупательницы:

– Цвет волос оригинальный. Вроде альбиноса, но брови, ресницы...

– Я подумала – он седой, а – нет! – с честной радостью призналась Енбаева.

Алик отвернулась от трогательно занятой полуголой девушки, оценив предательскую естественность её чувства: «Для меня! для меня! для меня!»

Алик чувствовала себя нелегальной собственницей всего самого драгоценного и, лёжа на одеяле, полузакрыв глаза, произнесла немного громче, чем хотела:

– Я – золотая блондинка, а он – платиновый!

Сидевшая подле Галя как-то и мило, и некрасиво искривила губы:

– Как же...

Алик, стоически преодолевая себя, сказала заносчиво:

– Что?

– Лишь то, что ты – золотая блондинка, а он – платиновый, – проговорила Галя неровным от натяжения нервов голосом.

Всё понимающий Дэн глянул на неё и пристально посмотрел на Алика.

– Симпатичный парень, а одет банально, – сказал нарочито отстранённо. – И, скорее всего, эта неброскость не от ума, а весьма объяснима.

– А приехал на чёрной «волге»! – высказала Енбаева то, что почти уже полчаса бредило всех. Она добавила лучезарно: – Он выше Бори!

– Метр восемьдесят... – сказала Галя выжидательно.

Алик благосклонно согласилась:

– Да.

Боб стоял, подбоченившись, и заботливо бросил родственнице:

– Ну ты, голая, не обгори до температуры! – а от других потребовал: – Скиньте три сантиметра!

Девушки молчали, и тогда Дэн изрёк:

– Взяли лишку.

Алику жгуче желалось, чтобы стало жарче-жарче! Она поднялась, извлекла из рюкзака портативный катушечный магнитофон. Музыка возникла плавно крепнущим проникновенным натиском. Медлительный блюз затопил уголок леса детской влюблённостью.

Алик стояла пренебрежительно расслабленная, слегка запрокинув голову с тонким мозаичным обручем на волосах, прикрыв глаза, и выглядело кричащим то, как чувственно падки к ритму её возбуждённые ноги. Они будто вняли соизволяющему кивку – девушка затанцевала...

И другая, в богатой шапке вороных куделек, подставляя солнцу застоявшееся тело, безыскусно поведала:

– Как раз и он поспеет обратно – машина-то вон.

Танцуя, Алик переживала укус, в то время как белые зубки продолжали скалиться, а потускневшие глазки – буравить её из-под свесившихся чёрных завитков.

Галя изумлённо и злорадно поставила Енбаевой огромный плюс, меж тем как в телодвижениях Алика изнывало искание неотразимого лунного блика, нежно-молочная полоска живота сияла, в ритме колебались округлые ягодицы, над

локтем покачивался серебряный браслет с подвесками. Близ неё родилось неистовство: пятки Боба покинули землю – он приземлился на носки перед Аликом и вильнул низом туловища. Она едва не отпрянула, но стерпела и в самый миг – иначе он схватил бы её.

Теснился к ней и танцующий Дэн, изгибаясь искусно, женственно и несколько приторно...

Точно оголтелый буян смял зазевавшуюся Галю: трепеща и без желания опомниться, она извивно двигалась в танце. Уже и Енбаева оказалась в согласном упоительном движении со всеми: неумелая, угловатая и оттого избыточно вольная.

Капризный блюз разъярял упругость тел, и не пальцы ли чьих-то ножек, переступавших на цыпочках, вслушивались во что-то сквозь музыку? Алика вело, ею владело приближение скрытого лесом незнакомца. Она столь осторожно переместилась в танце, куда было нужно, что их увидели уже друг против друга, разделённых какими-то двумя шагами.

Мгновение-второе, третье – ей всё ещё удаётся очаровательная беззастенчивость... У него славное лицо, неломкий взгляд умных тёмно-синих глаз; при светлых волосах броско выделяются густые темноватые брови и ресницы.

Она ощущала себя нагой и всем телом круто покрасневшей как рак. Внутренняя безжалостная дрожь душила в сердце отчаянный лепет: о, ей необходимо это свершение!

Кому было по силам догадаться о её пронзительной стыдливости? Кто мог оценить её мужество?

Она вдруг резко ступила в сторону, странно неуклюже и криво поставив стопу, и упала на колено.

– Это шутка? – он смотрел на неё, словно размышляя над законом тяготения.

– Не могу встать... – она улыбнулась ему загнанно, – каблук по корню скользнул – нога подвернулась.

– Играется! – сказала за спиной Енбаева.

Он глядел на полуголую взволнованно подтянувшуюся девушку, и Алик произнесла виновато:

– Я, кажется, вывихнула ногу...

Она оперлась на его локоть и встала на левую стопу, но, попытавшись шагнуть, взмыкнула и закусила губу. Боб и Дэн уже топтались возле, она оттолкнула Боба:

– Твои шутки – застёжку порвал: нога с колодки соскользнула! на вывихнутой ковылять? – слова хлестали злостью, но в душе Алика горячела весёлая снисходительность.

– Я отвезу вас в город, – предложил незнакомец так, будто ему и самому не нравилось, как мало он предлагает. А ей не много ли было того, что она сейчас шагнёт в безрассудство? Даль окажется близкой до беспощадно вульгарного. «Куда? К кому? *Что* – произойдёт?»

Боком к нему, в независимой позе стояла Галя. Она чуть прищурилась:

– Без малины остались?

– Тут уже прошли и всё собрали, – сказал он неожиданно по-приятельски, словно отдавая должное юмору Гали, кото-

рая-то и собрала малину.

Алик обхватила за шеи его и Дэна, и они понесли её к машине. Боб, забегая вперёд, отводил перед ними ветви, и было видно, как ненавидит он тот миг, когда ухватил босоножку.

А Галя и Енбаева смотрели в глаза друг другу, почувствовав острую необходимость в этом. Им было легче от того, что Алик – безнравственная нахалка, и они выцарапали бы глаза любому, кто неопровержимо бы доказал глубину её скромности.

На переднем сиденье «волги» она увидела немолодого широкоплечего мужчину в пёстрой рубашке с короткими рукавами. Зеркало отражало его тёмные очки, продолговатое лицо, выступающий ребром как бы сжатый с боков нос. Блондин, сядя за руль, сказал ему с той обходительностью, когда не ожидают возражений:

– Забросим девушку в город? Она ногу повредила.

– Забросим? – переспросил пожилой словно бы в брюзгливом полусне, что выражало подтрунивающую игривость.

Губы Алика слегка тронула улыбка.

– Забросим, закинем, запулим... – проговорил мужчина так, будто начинал читать стихотворение.

Молодой словно обиделся:

– Извиняюсь, мы её не будем забрасывать. Мы отвезём её в город, как положено, – и включил зажигание.

Она положила обнажённые руки на спинку переднего сиденья и смущённо потёрлась носиком о своё запястье:

– Мне неловко... помешала вам искать ягоды...

Человек в тёмных очках сказал серьёзно и веско, будто осаживая с трибуны:

– Не много ли извинений с обеих сторон? – Всё это время он не двинул шеей, и, поглядывая на его лицо в зеркале, Алик подумала, что очки что-то чересчур темны.

Блондин, аккуратно ведя машину по тряской грунтовке, на миг обернулся. Кожа у него была чистая, смугловатая, а во взгляде удлинённых глаз отсутствовала неопределённость.

«Ты вспоминаешь, считаешь, сравниваешь, задаёшься вопросами, – понимала Алик, – и благосклонно глядишь на луговую дорогу. Но зря не опасаясь заблудиться».

Пожилой, ни на сантиметр не повернув голову, спросил:

– Выход в каком месте?

– Где щиколотка.

– Опухоль? – спросил он, не шелохнувшись, и ей стало ясно, что уже не легкомыслие говорит его устами. Говорила пасмурная тяжесть, и Алика всколыхнуло: «Ведь он же слепой!»

– Опухоли нет... извините... – её тут же покорило: он понял, за что она извиняется. Как бы устраивая поудобнее больную ногу, пересела, чтобы не видеть в зеркале непроницаемые очки.

Молодой за рулём адресовал ей:

– Пропал ваш денёк на природе! Жалко?

– Жалко. Мне так жалко... – сказала она кротко.

«Волга» выкатилась из леса, водитель притормозил перед перегруженным шоссе и, обернувшись, не сразу отвёл глаза от девушки.

Пожилой произнёс густым баритоном:

– Как малину-то не любить... – и добавил назидательно: – Рясная малина – богатые хлеба!

Рясная, пояснил, значит обильная. Уходят, забываются выразительные слова.

Не двинувшись, он спросил:

– А пироги с гречневой кашей и мёдом вы любите?

– Не пробовала... – уронила Алик тоном вины.

Блондин мягко ввёл «волгу» в поток несущегося к городу транспорта. Спутник проговорил, будто изумляясь тому, о чём сообщал:

– В моих родных местах в эти дни, бывало, да... пекли пироги с гречневой кашей и мёдом и созывали соседей.

Алику показалось, что водитель втихомолку улыбнулся. Человек же в тёмных очках заговорил, будто ссорясь:

– Чтобы вам ещё больше стало жалко, чтобы вы очень жалели об этом дне – вы должны с нами пообедать! – и адресовал парню: – А, Виктор?

«Викто-ор!» – мысленно повторила она, перенося ударение на второй слог.

Следя за дорогой, блондин сказал девушке:

– Насчёт вашей ноги... Лонгин Антонович может из дома позвонить врачу. У него лучшие в друзьях.

«Лонгин» похоже на ангину, мелькнуло в уме девушки.

– Записано в святцах, часто встречалось у староверов, – сказал человек в очках, привыкший, что его имя кажется странным, – в юности, а я на три года моложе советской власти, мне бывало неприятно.

«Ему пятьдесят четыре», – мимоходом отметила Алик,

встретила в зеркале взгляд водителя. Оба прислушивались к иному, к своему напеву.

Виктор двинул баранку, глядя в задний борт мчавшегося впереди «газика» и намереваясь его обогнать.

– А вас как зовут?

– Алик, – вырвалось у неё.

– Ага, – заинтересовался Лонгин Антонович, – и если кто-то собрался с вами в кино, он говорит: иду в кино с Аликом?

– Да.

Виктор, не спеша обгонять «газик», поднял глаза к зеркалу и обменялся с нею улыбкой. Пожилой между тем говорил:

– Александра? Алла? Альбина?

Ему ответили, и он так, будто это вытекало из ответа, уведомил:

– Едем к нам на воскресный обед.

«Волга» катила по улицам города.

– Ну... я не могу... – пролепетала Алик с выраженной нерешительностью.

Машина встала в тенистом переулке, над нею нависала заматерело-глухая состарившаяся листва деревьев, за которыми в некотором отдалении были видны внушительное закрытое парадное и барельеф над ним: кажется, античная богиня. Не сказать, чтобы казённо-индустриальный, неуютный город насчитывал десятки таких зданий.

Лонгин Антонович обратился к Алику:

– Как ваша нога? Пошевелите-ка! Нажмите на щиколотку – больно? Можете наступать?

– Кажется, смогу... наверно, растяжение.

Виктор обошёл машину и хотел открыть дверцу Лонгину Антоновичу, но тот обронил:

– Не мне!

И тогда была распахнута другая дверца. Молодой человек, наклонившись, галантно подставил руку девушке. Она оперлась на неё в мысли о некой заграничной мелодраме, которые пропускали иногда на советские экраны. Девушка, повредившая ногу, доверчиво принимает помощь богатенького слепого и его племянника, слепой оказывается главой мафии, племянник же...

Она взглянула в глаза Виктору брыкливо и, наслаждаясь своей несправедливостью, презрительно. Её тревога бежала впереди неё и спрашивала: где справедливость, если эта детски сияющая кожа, это приманчивое мужество пошленько обманут?

Тем временем хозяин неспешно, немного неуверенно вылез из автомобиля. Сухоощая с широкими плечами и узкими бёдрами фигура сохраняла стройность. Густые русые волосы перебивались сединой. Чёрные очки отвлекали внима-

ние, но можно было заметить чувственность твёрдо очерченного рта с длинной верхней губой. В этом лице интеллигента выдавала себя порода.

Он повернулся – очевидно, угадывая, где стоит девушка.

– Обед с очаровательной гостьей! – произнёс в неподдельном удовольствии. – Я и сам знаю, вы восхитительны! И по обращению Виктора чувствую...

Алик и молодой человек одарили друг друга взглядами.

– Альхен, – ласково на немецкий манер обратился к девушке Лонгин Антонович, – с ногой осторожнее. Виктор, ты что оставил Альхен?

Парень запирал машину. Алик шагнула к беспомощному человеку, прикоснулась пальцами к его локтю:

– Тут как раз бордюр...

– Я ориентируюсь... этот маршрут усвоен, – сказал слепой пониженным голосом и грустно заключил: – Спасибо вам!

Виктор в ожидании стоял перед ними. Лонгин Антонович, точно осерчав на себя за раскислость, распорядился с отчаянной категоричностью:

– Алла, обопритесь на моё плечо! Смелее, не стесняйтесь! А другой рукой – на молодого человека. И мы вас поведём...

Она левой рукой обняла слепого, плечу же блондина предпочла его локоть. Символически опираясь на него и легонько направляя шаг Лонгина Антоновича, двинулась к дому. Парадное раздалось перед нею в приятно затемнённом прохладном объёме, повеяло многолетним уходом за здешней

жизнью и досадливо представились тесные подъезды пятиэтажек, в которых живут Боб, Дэн и ещё один её приятель актёр Данков, живёт она. Да и подъезд современного девятиэтажного дома, где проживает Аркадий Петрович Гаплов, безнадёжно проиграл.

Поднимаясь по лестнице, Алик исподволь поглядывала на Виктора. «Куда меня понесло?» – повторяла она в себе, при этом чувствуя: парень и пожилой вряд ли станут сообщать душительный крик о помощи.

– Вы не всегда ездите в лес без... – она чуть сильнее оперлась на руку блондина, – без никого?

– Лонгин Антонович – убеждённый женоненавистник, – с улыбкой ответил Виктор.

– А вы?

– А он – неубеждённый, – пробурчал пожилой, казавшийся сейчас в своих чёрных очках киношной криминальной личностью.

«Женоненавистники!» – Алик беззвучно хихикнула. Опять встретила взглядом с парнем и ощутила покалывание в мышцах от зуда затанцевать на ступеньках. В этом старом парадном чувствовала себя героиней фильма-ретро: она в загадочном особняке в гостях, влиятельный слепой и его племянник... в ушах зазвучал обворожительный джаз пятидесятых... она невольно ускорила шаг, буксируя старика.

Виктор остановился на площадке третьего этажа.

– Мы пришли, – указал на обшитую кожей дверь, на таб-

личку полированной стали, и девушка прочла фамилию – она была на слуху, такую же носил пребольшой военачальник.

Случайность?.. И Алик, отнесясь к случайности бережно, спросила Лонгина Антоновича:

– Вы не родственник маршала?

– Младший брат.

Разгадка, приглашающая разгрызть крепкий орех загадок. В этой квартире не придётся кричать, но не обернётся ли тем, о чём нельзя будет не умалчивать?

Ниже фамилии было выгравировано: «профессор».

– Проходите, Альхен, – пригласил Лонгин Антонович и, помедлив из-за того, что опасался наступить ей на ногу, шагнул вбок от двери.

В просторном, с паркетным полом коридоре она увидела слева ряд дверей. Темновато, Виктор включил свет, белесые волосы матово блеснули. Стоячее зеркало – чуть повернуться перед ним, поправить мозаичный обруч на волосах. Силуэт отнюдь не скрадывается воздушными шальварами...

Глаза парня. Они кажутся фиолетово-чёрными, в них – её крохотное отражение.

– Виктор, не держи девушку на больной ноге, – недовольно сказал профессор.

Она выразила голосом ласку:

– Спасибо, Лонгин Антонович, я выдержу...

Осторожно ступила – гримаска, как от боли. Взгляд парня скользнул с её лица на стопу – участливый, почти горячий.

– Извините, что это я... – он чуть наклонился... секунда-вторая, третья... сейчас возьмёт её на руки.

– Идёмте, сядете в кресло, – руки протянуты, но он намерен лишь поддерживать её.

– Я дохромаю. Куда – в эту дверь? – адресовала ему тоном упрёка.

Он поспешил за ней, хромающей, в комнату: у стен – стеллажи с книгами от пола до потолка, палас во весь пол, венские стулья, поодаль от окна – тахта. Кресло стояло в другой стороне, Алик замешкалась:

– Лонгин Антонович?

Тот отозвался из коридора, что ополоснёт руки и приведёт себя в порядок с дороги. Она отвернулась от кресла, направилась к тахте и села, шальвары приходились чуть ниже середины икр. Осторожно сняв босоножку, вытянула упругую крепкую ногу на тахте, взглянула на Виктора:

– Растяжение... побаливает.

– Наверно, надо приложить холодное.

Она вскинула ресницы:

– У вас есть лёд в холодильнике? Можно сделать компресс?

Кивнул, сумев, не улыбаясь, выразить трогательную чистосердечную учтивость. Он отправился за льдом, Алик внимательно оглядывала комнату: книги, книги. Их много и в квартире её лучистого воздыхателя Гаплова, но там, нетронутые, они на полках то и дело расступаются, и из уютных промежутков глядят морские раковины, статуэтки, кораллы, шкатулки. Гаплов лечил неутолимое сердце окружающими вещами.

Виктор вернулся, и она в ветреной злости на себя подумала: ей не помешал бы компресс на сердце! Малый принёс льда в вафельном полотенце и целлофан. Она произнесла с вызывающим ехидством:

– Чудесно! Вы не поверите, как я вам благодарна!

– Да ради Бога, – отреагировал он дежурной фразой, постелил на тахту под ногу девушки целлофан и поместил на

лодыжку завернутый в полотенце лёд.

Какие деловитые движения. Пальцы ни на миг не прильнули к её коже. Неужели его взгляд только что был почти жарок?.. Он из терпеливых удильщиков, и когда подсечёт – уже не сорваться. Вещь с двойным дном.

– Вы родственник профессора? – спросила она равнодушно.

– Нет.

– Но живёте тут?

– Да.

– Вы домработник? – бросила, внутренне негодуя: «Это не может быть так обыкновенно!»

– Я у Лонгина Антоновича в штате института, – он стоял перед нею с видом, что сейчас сунет руки в карманы брюк и ухмыльнётся: «Ну так какие ещё вопросы?»

Алик устроила ногу на тахте поудобнее, шевельнула пальчиками с малиновыми ногтями. Её интересовал профиль института, и она услышала: нефтепереработка, нефтехимия.

– А с профессором... – начала она, выражением и тоном намекая, что спрашивает о слепоте, – как это случилось?

– Было до меня. Он не любит рассказывать, – небрежно поставил точку Виктор.

– Его работе не мешает?

Молодой человек объяснил: работает, дай Бог каждому! В науке и не только в ней достаточно подобных примеров.

– А почему он не в Москве живёт?

– Мог бы – сам не хочет. Как-нибудь потом расскажу...

«Потом» гарантировано, отметила она. Какая отточенная уравновешенность в нём, невозмутимо стоящем уже несколько минут!

Брюки, рубашка на нём импортные, но надо бы – от портного. Ах, как она одела бы его!

– Ни о чём не хотите меня спросить? – сказала и вдруг смутилась.

Он с любезной готовностью спросил:

– В каком институте учиться?

В технологическом, но теперь уже – училась! Её ждёт работа в Доме моделей, сообщила она, кстати, там скоро показ мужских новинок осеннего сезона – можно достать ему билет. А если его интересуют женские модели, то это в будущую пятницу... между прочим, она сама манекенщица и покажет модели того парня, что в лесу проводил её к машине. Денис – он окончил их институт в прошлом году.

Сняв компресс, принялась растирать щиколотку. Выдержка иссякла, тело требовало движения. Вдев стопу в босоножку, Алик встала, пошла к стеллажу, зная, что малому видны сквозь лёгонькую ткань шальвар очертания трусиков на её подвижных ягодицах. Корешок одной из книг выступает из их ряда, на корешке – латинские буквы, она протянула руку. О, Кама-сутра... на английском? Нет, кажется, на немецком. Она раскрыла книжку, основательно зачитанную, иллюстрации – одна, вторая, третья... обнажённые парочки

в позах... Алик повернулась к нему, не исключая, что он заберёт Кама-сутру. Но Виктор сделал только шаг, в нём уже не было бесстрастности, он охватывал её всю красноречивым взглядом. Она тоже повела глазами по его фигуре сверху вниз, заметила кое-что: о, парень в порядке! Подумала – глаза её наверняка блеснули; держа книжку в руке на отлёте, сказала тихо и доверительно-серьёзно:

– Если бы не нога, я бы сейчас вам станцевала... танец живота.

Ну, подойди же! Нет, не двинувшись, обронил вопрос:

– Любите танцевать?

Она возвратила книгу на полку и поведала, что в институте занималась в кружке современного танца. Спросила:

– Вы, наверно, любите меланхоличную музыку?

– Необязательно... люблю и темп.

«Поверю тебе на слово!» – мысленно воскликнула она.

Ему пора на кухню, сказал он, а она может тут посмотреть книги – окинул стеллаж взглядом. Есть поэзия, вон Бальмонт, а там – томик Гумилёва из букинистического... Точно так официант в ресторане предлагает: есть суп харчо, бефстроганов... Нет, объявила Алик, она пойдёт с ним.

В коридоре указала на двустворчатую дверь: здесь у вас что?

– Как вам угодно – столовая или гостиная. – Виктор толкнул застеклённую створку: в глубине комнаты – резной ореховый буфет; сколько хрусталя! Часы-шкаф. Принадлежало всё это купцам? графам? Посреди комнаты – большой полированный стол морёного дуба; а сколько лет этой люстре? хрустальные подвески в три ряда – висячий трёхступенчатый пьедестал да и только. Какая милая во всем надёжность!

Вошли в кухню, Алик оценила её вместительность, царящую в ней чистоту, воскликнула, словно прищёлкнув языком:

– Порядочек!

– О, я польщён, – соскользнул он на игривость, наконец-то! – А у вас разве не так?

– Так... увидите. – И ясный прямой взгляд ему в глаза.

Глаза ответили. Теперь можно легко обратиться к нему на «ты» – непринуждённо подхватит. «Виктор!» – мысленно

но произнесла она по-своему, с ударением на втором слоге, услышь, как я называю тебя! моё отражение в твоих глазах до того чётко, что я вижу обруч на волосах. Брось играть, расслабься, ведь я же не играю: вот она я – как на ладошке. Мы поняли друг друга. Мы одни здесь, мы рядом, нам просто и хорошо – разве нет? Молчание, до предела насыщенное смыслом. Ничто не мешает – звуки за окном отделились и пригасли, по тенистому переулку почти нет движения. Из соседних домов донеслась музыка – видимо, магнитофонная запись, искренне грустящий юношеский голос выводил:

*Я тебя называл самой лучшей на свете девчонкою
И не думал, что будешь ты зваться чужою женой...*

– Подпоём? – произнесла она с бархатистой ноткой, запела: – Я тебя называл... – и оба вдруг захохотали, едва не сталкиваясь лицами.

Обещала танец, сказал он, а начала с вокала. И как? О!.. – кивнул и затем ещё картинно поклонился. Обмен комплиментами, милая болтовня о любимых мелодиях, о фильмах. Он зажёг газ, поставил на плиту кастрюлю:

– Собственно, обед уже готов – только подогреть.

Что будем есть? Украинскую солянку с копчёной свиной. Хо, никогда не пробовала! Понравится – научу варить. Она воскликнула: тебе цены нет! окончил кулинарный техникум? Нет, кулинарией занимается приходящий человек, а

я только подучился немного... Она помолчала. И:

– Ты разведён?

– Я не был женат.

Алик глядела тепло, внимательно:

– Я тоже не спешу...

Спросила: ты местный? Если она имеет в виду Урал, то да. Я из города-призрака – дал он понять, что названия города нет на карте по причине находящихся в нём объектов. На одном из них отец был главным инженером, умер в прошлом году. Мать уже вышла замуж. У него две сестры, у них свои семьи. Почему он оказался здесь? Отец был другом Лонгина Антоновича... Замолчал. Она подумала: «У тебя тут какая-то выгода и немалая». Пауза. Алик спросила с запинкой:

– Тебе здесь... удобно?

Он слегка пожал плечами. Расскажешь, подумала она, всему своё время... А у неё папа – начальник цеха почтового ящика (почтовыми ящиками называли предприятия, которые по соображениям секретности обозначали лишь как почтовые абоненты). Мама – врач-косметолог.

– Я одна у родителей...

Продолжим о себе, переход не очень плавный, но сойдёт: блузка на ней – чуть повернуться – носит название индийской, а укороченные шальвары – творение её собственной фантазии.

– А для тебя я придумала бы что-то военного стиля: свободные брюки цвета майского неба, того же цвета притален-

ную рубашку с чёрными прострочками, с розовой окантовкой кармашков и погончиков...

«Свободные брюки» – он увидел, куда она смотрит, и тут же повернулся к ней спиной, снял крышку с кастрюли, будто это срочно понадобилось.

– Поможешь отнести тарелки? – повернул к ней голову.

Алик глядела с улыбчивым вызовом, обхватив себя за красиво оголённые плечи. Он подождал, когда она возьмёт стопку тарелок, и пошёл за нею в столовую накрывать на стол.

Алик не бывала за столом со слепыми и была впечатлена тем, как управляется профессор, как безошибочно находит вилку, нож, рюмку... Моментами ей казалось даже, что он видит.

Заправив салфетку, он поднял стопку, налитую ему Виктором:

– Нашему другу нельзя – он будет за рулём, а вы, Альхен, должны хлопнуть «ерофеича»!

Она не слыхала названия и обогатилась сведением: не бывающая в продаже «посольская» водка, настоящая на мяте, померанцевых орехах и других штуках, и есть «ерофеич».

Алик в компаниях не отказывалась от сухого вина, ей нравилось крымское шампанское, довелось попробовать и водку, отчего сейчас к ней никак не тянуло. Но чтобы угодить профессору, она торопливо чокнулась с ним и с трогательной смелостью «хлопнула» полрюмки.

Он аппетитно поглощал солянку и говорил:

– Жаль, осень на носу. Был бы апрель, я угостил бы вас весенним лесным вином. Уверен – не пробовали. Оно приготавливается из берёзового сока. А-аа, ка-а-кой у него запах! Я чувствую ваши флюиды, Альхен, и слышу аромат лесного вина. Благодаря ему я *вижу* вас! – обратив к ней лицо, он выделил слово «вижу», и она чуть не поверила, что этот

человек в тёмных очках зряч.

– Женское очарование есть творческая миссия, – произнёс проникновенно, – оно побуждает лучших из мужчин стремиться к тому, чтобы их выбирали создания, пахнущие лесным вином. Стремиться – значит творить свою личность. Преодолевая препятствия, делаться сложнее, глубже, тоньше. За тем и посылаются в жизнь мужчины, наделённые талантами: чтобы бороться за прелестную женщину, сдавая экзамены. Раскрывай то, что заложено в тебе, и набирай баллы. Чем больше их, тем интереснее личность, которую ты творишь. Максимум баллов к уходу из жизни – вот ответ на извечный вопрос о её смысле.

Девушка восприняла сказанное как блестяще закрученный комплимент, она подобного не слыхала. Взгляд на Виктора – занят своей тарелкой или делает вид. Алик сказала:

– А люди живут и ничего этого не думают... и хотят не препятствий, а тепла, гармонии.

Профессор выпил рюмку и нашёл вилкой малосольный огурчик.

– Гармонии... поэтичное выражение... – он вдруг словно отстранился от разговора, и Алик рискнула тронуть поводья:

– У вас столько поэзии собрано... Гумилёв...

Лонгин Антонович издал одобрительное «угу». Иногда он просит Виктора почитать ему Гумилёва.

– И сейчас, Альхен, Виктор мог бы прочесть, если бы помнил наизусть:

*Да, я знаю – я Вам не пара,
Я пришёл из другой страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны...*

Алик обласкала молодого человека глазами: обожаю восточное! это мой стиль, я бы станцевала под зурну и бубен!.. Прелестно! – подхватил профессор: имейте в виду, я вам прочёл сейчас о Викторе. А теперь представьте, Альхен, вы с ним... дружите. И представьте – у нас разрешены поединки. Какой-то наглец сказал что-то, бросающее на вас тень. Виктор вызовет его? Встанет под его пулю? Пусть всего этого нет, но – сможете вы жить с Виктором в гармонии, не зная ответа на вопрос?

Она при словах «жить с Виктором» ощутила жар на лице, слабо улыбнулась:

– Но ведь этого действительно нет... – миг-другой думала: «Неужели не встанет?»

Профессор ждал. Она сказала чуть слышно:

– Для меня не было бы вопроса.

– Спасибо, – произнёс, не глядя на неё, парень, поднялся, чтобы переменить блюда, и вдруг обратился к Лонгину Антоновичу: – Пока меня не будет, вы Бальмонта почитайте.

Профессор, казалось, впери́л в малого взгляд сквозь очки.

– Боюсь, я ничего не помню...

– А вот это... – начал Виктор и с наигранной театрально-

СТЬЮ ВЫДАЛ:

*Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочных гроздий венки свивать.
Хочу упиться роскошным телом...*

Алик замерла в ощущении скандала, но молодой человек замолчал и вышел. Лонгин Антонович благодушно гмыкнул и ничего не сказал. Молчала и гостья – чувствуя гнёт каких-то трений, каких-то счётов.

Когда вернулся Виктор с подносом, хозяин застолья сказал с безоблачной заботливостью:

– Альхен, вам должен прийтись заливной судак! Нравится с лимонным соком? Виктор, будь добр – полей. А я, с вашего позволения, ещё чуточку «ерофеича»...

Принялись за судака. Профессор заговорил, словно припоминая: да... о чём бишь я хотел? Вот... Ему рассказали о случае, разбиравшемся в суде. Муж и жена возвращались из поездки, ночью шли с вокзала домой по глухому месту. На них напали два хулигана. Муж убежал. Они схватили женщину, та в крик. Подбежал прохожий, крепкий мужик, стал её отбивать и подвернувшись под руку кирпичом двинул одного из хулиганов по хребту. Сделал инвалидом. И попал под суд. Женщина была свидетелем. Между прочим, её спросили: как она смотрит на то, что муж убежал? Оказалось, нормально смотрит: правильно сделал. Не убеги он, его могли бы ударить кирпичом и сделать инвалидом. А стукни он

– то был бы под судом.

– Прохожего осудили, хотя и условно, – с расстановкой проговорил профессор. – А как ему помотали нервы!

Лонгин Антонович ждал, что скажет Алик, но она посчитала – разве же и так не понятно? она всей душой за прохожего!

Повисшую на несколько секунд тишину вновь оборвал густой баритон хозяина:

– Я рассказал о паре людей, которые, как вы, Альхен, выразились, не думают, а хотят тепла и гармонии. Они и живут в гармонии, неисчислимые массы простых людей. Это удобно тем, кто, может, и непрост, но о себе знает: добровольно он под пулю не встанет. Эти знающие укрепили мнение, будто дуэли глупы, смешны. Как удалось трусам навязать всем такую гадость? Благодаря несчётным, живущим в гармонии!

Он сказал вдруг потеплевшим до ласковости голосом:

– Что-то мы замолчали...

Девушка меж тем открыла невероятную для себя важность в услышанном: ради неё встанет под выстрел Боб? Дэн? Данков? Гаплов? Взглянула на Виктора: не поспешила она со своим заверением о нём? Заговорила с тихим напряжением:

– Я не хочу, чтобы тот, кого... кто мне нравится... чтобы его убили. Поэтому я рада, что дуэлей нет. – Она потрянула головой, отчего метнулись змейками её пряди цвета южного солнца. – Но... но мне не надо, чтобы он побоялся вызвать

того, кто меня оскорбит.

Профессор проговорил с добродушной подковыркой:

– А ведь одно исключает другое... какая уж гармония?.. – покачал головой и вдруг произнёс другим тоном: – Скажите, Альхен, эта женщина ничтожна?

В Алике забродило что-то горькое и сильное, она не скрывает страстности:

– Но вы не можете знать, *что* переживает та женщина – сравнивая мужа и другого... того подбежавшего человека!

Виктор, с ленцой ковырявшийся в тарелке, живо заметил:

– Женская психология! Свои тонкости.

Лонгин Антонович в рассеянной задумчивости сказал:

– Она не могла не сравнить... Альхен, вы замечательно поправили меня, – Ну да, – продолжил он, – от сравнений бывает больно. Чем лечиться? Не забывать войну.

«О, Боже... – девушку облило тоской, – съехали!» Он, разумеется, воевал, и потянется рассказ... На войне были оба её деда, заслужили ордена, медали, один особенно охотно рассказывал, как поднимал роту в атаку, шёл грудью на... как правильно-то – дот? дзот?

Профессор проговорил с едва заметным лукавством:

– Война, о которой я, хм... это осмысленная повседневность...

Алика прохватил острый сквознячок недосказанности, она ждала продолжения. Вдруг Виктор обратился к хозяину:

– А почему вы никогда не рассказываете о той войне? Вы

как-то сказали – были в партизанах...

Вопрос окрашивала вкрадчивость, близость некоего намёка. Девушка почувствовала невнятную тревогу. Парень с неотступной настойчивостью ждал ответа. Не выдержав, добавил:

– Вы... убивали?

Лонгин Антонович с осторожностью повёл пальцами по столу, нащупал нож, приподнял его, говоря с фальшивой игривостью:

– Крови!.. После рассказа об избииении нужен рассказ о кровопролитии – по нарастающей... – он издал смешок.

– Интересно, каким вы сами-то были... – невинным тоном обронил Виктор.

Профессор сделал вид, будто сосредотачивается на чём-то необыкновенно значимом и вдруг искренне просто сказал:

– Выпьем за псковские леса!

Он выпил стопку медленно, словно мысленно уносясь в далёкое уединение, молодой человек неохотно хлебнул нарзана, Алик лишь пригубила рюмку.

Беседу следовало возобновить, дабы гостя не решила, что пора прощаться, и хозяин задал ей вопрос с удавшейся непринуждённостью:

– Альхен, если парень вертит в пальцах спичку, а девушка её отнимает, что сие значит?

Удивлённая быстротой перехода, Алик улыбнулась:

– Она согласна с ним дружить.

– Видите, какой я эрудит! – с нарочитым самодовольством произнёс Лонгин Антонович.

Хозяин желал затеять чаепитие, но Алик почувствовала в себе тончайшую границу, отмерявшую время визита. Стала прощаться, а он перечислял названия варений, которые она могла бы отведать, и вдруг на её: – Я не в силах, профессор! – воскликнул:

– Назовите меня Велимир-заде!

– Что, что?

– Покличьте Велимиром-заде!

– Ну почему?

– Ум-мереть можно, до чего прелестно это ваше «ну почему»!

Сидя в машине рядом с Виктором, отвозившим её домой, Алик не могла не вспоминать вслух о настроении слепого, столь необычном для калеки.

– Велимир-заде – и придумал же! Ему действительно идёт.

Парень помалкивал, небрежно держа руки на руле. Глядя на дорогу, попросил:

– Можешь дать ему характеристику?

Она взглянула на Виктора сбоку в чувстве: он зол на профессора. Волевой, властный, тот может этим надоесть и предстать деспотом.

– Тебя глубоко волнует моё мнение? – спросила нетороп-

ливо.

– Интересно...

Понимая: он изучает её, Алик стала подбирать слова. Её затрудняет его слепота. Если о ней не думать, то налицо: пример птицы высокого полёта. Привык к тому, что преуспевает. Выражаясь по-книжному, произнесла она, светский лев. Добавила: «в прошлом». И заключила:

– Хотя и теперь ещё бабник.

Виктор чуть заметно кивнул и покривил губы, не дав себе улыбнуться. Она спросила:

– Зачем тебе, как он воевал в партизанах?

Остановив «волгу» перед светофором, парень повернул голову и вдруг показался расслабленно-понурым:

– Хотелось услышать что-то...

Дом, где она жила, был уже недалеко, девушка занервничала – миг прощания! – и завернула в фантастику:

– Он был штурмбаннфюрер, прятался в лесах, одичал, обрусел и проник в советскую науку!

Виктор сказал без тени иронии:

– Куда до него штурмбаннфюреру.

Она указала на дом, парень подрулил к подъезду. Вряд ли он дерзнёт с поцелуем, полагала она, но всё же поспешила выпорхнуть из машины и, уже стоя на тротуаре, назвала свой номер телефона и поблагодарила «за всё сегодняшнее».

Он чувствовал, как сердце отсчитывает каждый её удаляющийся шаг, и упрямо хотел быть насмешливым и злым.

Вспоминался рассказ профессора о муже, что бросил жену, убегая от хулиганов, и думалось – он обязательно напал бы на них: и лишь потом, наверное, стал бы считать, будто причиной была женщина... Кирпич необходимо метко направлять в голову, как нож – в подреберье. Услышь он это в детстве – чтил бы как зарок.

Физически очень развитый, Виктор и в двенадцать лет не допускал неосторожности к себе, особенно при неблагоприятном встречном ветре.

Приятного ему не доставало и чаще – при его избытке, а ветер охотно кидался навстречу, и можно взять мутный зимний день, когда Виктор с приятелями бежал на каток по выглаженному позёмкой скользкому тротуару. Гнулись тонкие ветви деревьев, и мальчики отворачивали лица от прокалённых стужей порывов. Товарищ отчего-то сплюнул на бегу, и плевок прибило к рукаву Виктора. От омерзения натянулась под шапкой кожа головы.

Виновник наспех крикнул: – Случайно! – что надо было понять как извинение.

– Эй! Вытри!

Тот не внял, и Виктор поймал его за конец шарфа.

– Отстань, я не хотел! Это ветер! – мальчик начинал злиться, а по виду был он не слабее приятеля.

– Вынь платок и вытри.

– Нет у меня платка!

– Шарфом! – и Виктор за рукав потянул его с тротуара на глубокий снег.

Другие мальчики окружили их, уважая сшибку и ценя случай вынести приговор.

– Драться хочешь? – сказал угрожающе виновный, заводя себя, чтобы не отступить.

Виктор дурашливо сорвал шапку и кинул на снег. Кто-то хохотнул – оказывается, они ошиблись и ожидалась комическая выходка. А он взаправду улыбался и широко, кладя руки приятелю на плечи... ладони переместились тому на затылок в дружеской фамильярности, рывок – и нос расплюснулся о лоб Виктора. Для чего и была предварительно сброшена шапка.

Мальчик обмяк – оттого что напряжился от боли, какой ещё не испытывал. Горло не сумело крикнуть, тело клонилось вперёд, и Виктор, сцепив пятерни «в замок», развернулся влево и изо всей силы ударил его в лицо. Кулаки заходили по упавшему, брызги крови отлетали на снег, и все слышали:

– Прости-ии!!!

Мальчики-зрители имели крепкие холки, что отвечало назначению ходить в упряжке, и пока ещё были не прочь полагаться и даже выбить копытцем кровь из податливого. Но сейчас бляшки их глаз отразили некий иной проблеск. Над ними возымело власть деяние леопарда...

Избитый, самозабвенно отвечая какой-то болезненно разгоревшейся потребности, объяснил дома, будто вблизи катка, в тёмном проходе, на него бросился неизвестный наголо обритый мужик. Товарищи это подтвердили с жаром, вдохновляемые чувством, что они по-своему честны и верны че-

му-то зловеще-священному и повелительному.

На Виктора теперь смотрели ночными светящимися глазами ожидания. Он должен был дарить радость – выборочно выплёскивая ненависть. В нём обнаружили сердце, в которое можно красться повинуюсь, чтобы, хваля и лстя, прививать свою трусливую злобность к смелости истого зла.

Но он бывал жесток лишь из страха презрения к себе, и, когда не стало для этого оснований, оказалось, что злоба не трепещет в нём от жажды самоотдачи. Его сердца с полным правом требовали девочки, с которыми, замечательно красивый, обворожительный, он рано начал читать загадочную, сладко запутывающую сказку. Он сделался любителем приключений под звуки лиры и бубна, а не барабана, дрался, лишь будучи задетым, и не думал, как несправедлив к мальчикам. Они хотели вожаком леопарда – а он не замечал, бесильный выбирать для битья кого-то из презируемых.

Отец его не понял бы – если можно быть лидером, то и нужно. Но одарённый Виктор учился отлично, и занятой специалист не видел необходимости распространять внимание к нему за эти рамки. Он установил для сына: сначала стать военным лётчиком, а затем – «асом в области ракетостроения», к каковым принадлежал он сам, главный инженер Можов. Полноценными людьми он считал лишь профессиональных военных и «специалистов оборонно-интеллектуальной сферы».

Он в душе молился на милитаристскую мощь СССР, но

в домашнем кругу самоуверенно подтрунивал над партийной идеологией и вообще завёл манеру вне работы холодно «юморить». С детьми снисходительно играл в надзирающую строгость: «Хулиганишь? Лентяйничаешь? В угол поставлю!» Заглянув в комнату, когда там сын смотрел телевизор, он, выйдя, громко произносил: «Виктор всё ещё стоит в углу?» Раза два в неделю он совершал пробежку по скверу, по стадиону, старался почаще заниматься гимнастикой, но здоровьем не отличался. Иногда у него на работе устраивались полулегальные мужские попойки «сабантуи», тогда он приходил домой пошатываясь, говоря: «Я смиренный, я не шумлю, я положу себя сейчас в гор-ризонтальное положение...»

Мать наутро напоминала, что «необидчива и этим жестоко пользуются». Она была не против почтить присутствием сабантуй. Миловидная, наигранно-изнеженная «женщина-девочка», она считалась в кругу мужа «изюмистой». Посредственный работник, кандидатскую, однако, защитила – как жена Можова.

Она волнующе выделялась на праздничных сборищах, когда во дворе какой-нибудь обширной государственной дачи, на фоне пышных кустов сирени, устраивались танцы. Выглядела избалованной и в то же время подкупающе-растерянной, что так и влекло мужчин, создавая вокруг неё атмосферу какого-то озорного беспокойства. Её кружили в танцах, а она предвкушала, как продемонстрирует прекрасный, по её

убеждению, голос. Когда мужчины подвыпьют, её попросят петь... Пела она романсы.

Романс из иных, не менее прелестных, иногда слышал в себе Виктор. Его товарищи между тем умели несмолкаемо кричать, не слыша и упоённо слушая себя, и шум сгущённо оседал к земле, тогда как дым костра тянулся в небо столбом, розовевшим на солнце. Десятый класс в свои последние, весенние, каникулы совершал лесной поход.

Тональность возгласов изменилась оттого, что одного паренька скрутил приступ аппендицита. Молодая учительница физкультуры, отвечавшая за школьников, принялась действовать. Больного уложили на плащ-палатку, и четверо понесли его. Подтаявший рыхло-липучий снег сопротивлялся спешке, и, хотя четвёрки часто менялись, все были вымотаны, когда опустили ношу на обочине глухой дороги. У нескольких всё же достало сил пуститься к ближайшему посёлку за помощью. Остальные уселись на рюкзаки.

Корчи кидали больного то на один бок, то на другой, сгибали его пополам, он вскрикивал быстро, часто и слабо, точно не желая отдаться тяжкому воплю, и всё-таки натужный вопль выворачивал его. Учительница, в слезах, одичалым от сострадания и ужаса голосом умоляла:

– Потерпи-и... сейчас «скорая» будет, сейчас...

Виктор, странно невозмутимый, стоял рядом и казался отупело-вежливым болваном. Он чувствовал: паренёк, воз-

можно, сейчас избирается Смертью. Переход в гибель заставлял ощущать некую необъяснимую ответственность – надо, чтобы Смерть видела связь забираемого с живущими.

Он наклонился над больным, поднял и понёс. Кругом кричали: – Оставь! Ему только хуже! – а он шептал пареньку что-то ласковое и, покрываясь испариной, пытался перейти на бег в чувстве, что выносит человека из смертельного одиночества. Кто-то поспешал следом и со злостью доказывал:

– Нет смысла! Протащишь сто метров – а тут «скорая». Что для неё – сто метров?!

Впереди показались домики посёлка, и, в самом деле, на дорогу выкатила и понеслась навстречу «скорая помощь». Можов перевёл дух, лишь когда заскрежетали тормоза. Потом ему казалось, он уже тогда знал, что аппендикс вырежут благополучно.

По словам хирурга, «больной имел не более двух часов запаса». Одноклассники же засекли: Можов нёс товарища полчаса. Выходит, это не меняло ничего.

Застарелая обида мальчиков вознаградилась. «Порисовался!», «Витенька изобразил героический поступок!» Он увидел, как перекошенные глаза себялюбия наливаются удовлетворением. Толпа наступала на него, и с наглой радостью ему было брошено в лицо:

– Можешь, Можов! Можешь – что на хрен нужно!

Каким-то образом чуяли – за это не ударит. А, может быть, именно и ждали: ударит, и теперь уж ему бы отлилось – лео-

пард-то оказался негодный.

Разумеется, они не поверили бы, что он не уязвлён, а доволен. Он-то знал, что старался не для зрителей, и сейчас они били мимо цели, являя ему, насколько он выше их. Они были неспособны даже смутно представить, что он возлагал на себя, когда нёс больного. Наскакивая на Виктора, они тешили его своим жалким счастьем от фальшивого выигрыша, виделись слизывающими крошки с земли.

Его презрение к этим существам уловила чувствительная женская психика. Девушки не сомневались, что он сносит кривляния не из трусости. Причиной была его стыдливая гордость. Учительница физкультуры не раз рассказала в учительской о происшедшем, и педколлектив по телефону поздравил Можова-старшего «с таким достойным сыном».

К малому тянулись взоры и дарили клятвы, между тем первую судорогу он пережил ещё в тринадцать лет. Девочка, которая мужественно согласилась на процедуру, была его соседкой и одноклассницей. Когда они приходили домой из школы, его и её родители были на работе. Он шёл к ней или приводил её к себе и говорил о... любви. Лора (так звали девочку) боялась и не уступала, но он пригрозил, что разлюбит её.

– Мы начнём как будто понарошке, – настаивал он.

У неё отчаянно распахнулись глаза, когда он показал ей стоячий член. Уступая требованию (или движимая любопытством?) она прикоснулась к нему пальцами, оттянула ко-

жу к основанию. Ещё раз так сделай! подвигай-подвигай! – выдохнул её друг с подхлёстывающим сладострастием, стал щупать через трусики губы влажнеющего зева, потом запустил руку под трусики, потом сказал: сними сама! Она, красная как помидор, сняла. Он всовывал ей, предельно разведшей ноги, плачущей, повторяя: шире раздвинь! ну потерпи немножко...

На другой день он кончил в самую её глубь, всё происходило проще и лучше. И повелось. Но пару недель спустя, когда они возвратились из школы и расстались на лестничной площадке, он не побежал к ней через двадцать минут, как вчера. Ему хотелось поклоняться по улице. Собрался уходить, но позвонили в дверь: на пороге стояла Лора. Теперь уступил он... Они развернули софу так, чтобы отражаться в зеркале, голенькая Лора встала на софу коленками, руками упёрлась в подушки, он, стоя за нею, ввёл член в её лазейку. Лора, блаженно улыбаясь своему и его отражению, сладко прищурилась.

Она высокая, лицом хорошенькая девочка, но нескладная. Однажды в слезах призналась Виктору – как она мучается, что он красивее её. Он помалкивал, помня разговор матери с подругой – у той вырвалось: «Ты счастливая – у тебя Витка таким красавцем растёт!»

Поклонение девочек развило в нём непринуждённую мужскую самонадеянность. Вот только в лётном училище ДОСААФ, куда он поступил после окончания школы, пред-

стояло, казалось, пострадать от нехватки поклонниц.

Буровато-серое пыльное, почти без травы лётное поле, плоское раболепство барачков, ровная одинаковая приниженность до горизонта с чуть видимым на нём зданием железнодорожной станции. Откуда на этой равнине захоlustья взяться миловидной особе? Но миловидность не обязательно равна притягательности, в чём вскоре убедился Можов.

Местная почтальонша, женщина гораздо старше его, с тонковатыми ногами, всегда чем-то раздосадованная, склонная к скандалу, обладала своеобразным влиянием не только на юношество, но и на комсостав, будучи пресыщенной и критически настроенной. Она выделила Виктора и создала имя курсанту, сходясь с ним в зарослях между кухонной подсобкой и холодильным складом.

В трёх километрах на железной дороге работала бригада ремонтников – по советской традиции, сплошь женская. Стоило выпасть случаю, и Виктор навещал небольшой общительный коллектив. Поблизости не торчало ни кустика – так девчата не поленились вырыть окопчик... Вслед за Можовым, вольно и невольно воздавая ему должное, импровизированное гнёздышко обжили и другие.

В окопчике скакали крошечные земляные лягушки, и, когда ремонтница с подоспевшим курсантом ныряла в него, то, в первую очередь, взвизгивала не сладострастно, а пани-

чески. Друг стремительно выкидывал лягушек вон, другие вскоре выползали из земли и прыгали любовникам на обнажённые участки тел, но яростное горение делало это несущественным.

Потом, когда девушка устало брала трусы, из них, случалось, выскакивал лягушонок. Остро прорывался вширь и вдаль визг и трепетал на фоне рыка авиадвигателей, по равнине мчалась белозадая фигурка, достигала болотца, трусы полоскались, выжимались, и, когда владелица надевала их, она усекала глядящих из воды здоровенных болотных лягух. Воспользовавшись испугом, она вновь голосисто выражала свои впечатления от проделанного в окопчике и опрометью подавалась к подругам, которые встречали её натянутым смехом ревнивого любопытства.

Если бы не подобные эпизоды, до чего тягомотнее была бы казарменная жизнь! К счастью, по окончании училища ДОСААФ служба не являлась обязательной. Стал лётчиком – и хорошо, теперь предстояло обратиться в специалиста оборонно-научной сферы.

Поступив в столичный элитный вуз и живя в общежитии, он поначалу был доволен двумя соседями по комнате, которые выгодно отличались от обитателей казармы.

Спустя время, сосед украл у Можова деньги и так изящно, что ничего нельзя было доказать. Деньги были испрошены у отца на заказ модного костюма. Отец, конечно, снова пришлёт сумму – но лишь после выволочки и назиданий по телефону, после повторного нудёжа на тему, как пагубна привычка к излишествам. От одного представления об этом нутро Виктора сжималось в спазме «Противно!»

Но как обойти противное в его жизни – ту же жратву в студенческой столовой? Ударит в ноздри неистребимый «фирменный» столовский запах (душок несвежего мяса, тронутых гнилью овощей, затхлого много раз остывавшего и вновь разогретого жира) – и уже подташнивает. Тебя. Других – ни в малейшей мере! Доев порцию липких макарон с обрезками жил, они ломтями хлеба вытирают с тарелок томатную подливку. Скажи им, до чего тебе хочется сегодня занять перстень с камнем, а через пяток лет – особнячок на кавказском побережье, решат: ты немного переигрываешь, но в целом интересен. А попробуй поделись своим истинным, признайся, что за прелесть для тебя – питаться в столовке... Взбеленятся. Сочтут тебя дешёвым притворщиком, который

«строит дворянчика». Ты станешь для них сволочью, желающей злостно оскорбить их всех. Тебя не поймёт и девушка, с которой ты близок, она кушает в столовой и довольна.

Так кто оскорблён – они или ты? Ты – неотвязно оскорбляемый сознанием, что даже сумев стать, как отец, спецом военно-промышленного комплекса, средства на вожделенный особнячок сподобишься накопить разве что за годы и годы муторной экономии.

Тучка хищно-скаредной реальности похищала у Виктора небо. И коли очевидно, что спортивная бодрящая ходьба под тиканье часов, восхваляемая отцом, – ковыляние, – как не заинтересоваться поступью приобщённых к балету? Подпольные цеховики, теневые коммерсанты, люди в сфере торговли, иные лица того рода занятий, когда доходы не попадают в поле зрения государства... Все они своевременно поняли, что делать, дабы устроиться таким образом, когда сервелат на завтрак и шашлык по-карски на обед воспринимаются как должное.

Обостряя чутьё на кого-либо подобного (или стремящегося стать подобным), Можов добыл у одного старшекурсника совет купить «знакомство» с выгодной дамой. Совет придал решимости – отказать себе в костюме, получив от отца сумму взамен украденной.

Человека, что продавал «знакомство», старшекурсник называл Казаком и дал его номер телефона. Позвонившему Виктору сказали, когда он должен быть в забегаловке у Савёловского вокзала. Там к нему подошёл располагающего облика мужчина с длинными седеющими волосами, похожий на администратора театра. Взяв деньги, он сообщил, что познaкомит клиента с директрисой одной из гостиниц, не из самых знаменитых, конечно, и попросил позаботиться о такси. В гостинице провёл в служебный коридор, оставил в пустой приёмной перед директорским кабинетом, в котором исчез. Выйдя, повернулся к появившейся следом женщине: ухоженной, лет за тридцать пять, в бежевом платье строгого покроя.

Виктор встал с кресла. Казак, наклонив голову, качнул ею в его сторону:

– Римма Сергеевна, это тот художник...

Небольшие зоркие глаза с прямоотой оглядели молодого человека, и в них прочлось: «Да, заинтересована». Она произнесла безапелляционно, будто ожидая неизбежных возражений и заранее отменяя их:

– У меня ремонт квартиры – я ищу, чтобы делал художник!

Он постарался выражением лица показать ей: «А мне пле-

вать – художник так художник! и нашла же начало!..»

Она пристукнула пальцем по золотым наручным часикам:
– Полседьмого. Вы посидите у нас в ресторане, я освобожусь – и поедем посмотрим квартиру...

Съев на даровщинку салат с крабами и лангет, выпив сто пятьдесят граммов молдавского коньяка «Дойна», он сел к ней в белые «жигули». По дороге тоном вежливой чиновницы она задала вопросы: когда он родился, кто родители. Не женат? А был? Что он студент и какого вуза, она уже знала от Казака. Во время остановок перед светофором неизменно посматривала на Виктора изучающе, а раз, глядя ему в глаза, произнесла чуть дрогнувшим голосом:

– Я не страдаю от одиночества... мне нужен только нормальный отдых после работы.

Как и следовало ожидать, квартира оказалась уютной, с импортной мягкой мебелью и коврами, и в спальне, куда его провели, фотообои представляли взору красочные виды на море. Римма Сергеевна, встав перед облитой солнцем синевой и раскинув руки, стала похлопывать ладонями по морским волнам:

– Это всё заменять! полностью обновить...

Он приблизился сзади, прикоснулся пальцами к её шее, пальцы заскользили по её спине вниз. Она замерла и, не оборачиваясь, сказала грудным полушёпотом:

– Раздёнсья.

Он водрузил пиджак на спинку стула, разулся, сложил

на стул остальную одежду. Когда Римма Сергеевна повернулась, Виктор стоял на ковре нагишом, с поднявшимся фаллосом.

– Хорошо... – выдохнула она, суетливо оправляя на себе платье, улыбаясь, и, словно прося прощения, добавила: – Сейчас я приду, ладно?..

Возвратилась в спальню в халате, под которым оказалась голой, а когда молодой человек, отбросив халат, хотел распластать её на кровати, напомнила ему о презервативе.

Любвеобилие Виктора перекрыло её ожидания. Он рьяно щупал, целовал груди и, повернув женщину ничком, исщекотал губами, языком её спину, побудил приподнять зад, развести пошире ноги, после чего резко вошёл в изнаывающий зев и принялся ярими толчками сотрясать её упоённо отдающееся тело.

Она раньше него достигла финиша, но продолжала в полузабытии чуть вставывать, а когда он застыл, прижав пах к её ягодицам, нежно пролепетала:

– Полежи на мне...

До этой встречи ему виделось неприятное: как может выглядеть женщина, готовая платить за любовь? Теперь он находил: ему повезло, дама, при её возрасте, его порадовала.

– Я приму ванну, а ты найдёшь на кухне выпить, поесть... – сказала она просяще-смущённо, потянувшись за халатом и, встав с постели, надела его.

Он, по-прежнему нагой, сидел за кухонным столом, по-

пивал прикумское вино, ел яблоко. Римма Сергеевна после ванны вошла, обернутая банным полотенцем, томно попросила:

– Пусти меня к тебе...

Он помог ей устроиться у него на коленях, полотенце с неё соскользнуло.

– Дай мне глоточек.

Виктор поднёс стакан к её губам, она чуть отпила и лизнула молодому человеку уголок рта. Спросила:

– Как вы с Казаком нашли друг друга?

Можов спокойно ответил:

– Я искал такую, как ты. Мне сказали, чтобы я с ним поговорил.

– А зачем ты искал? Чего тебе не хватало? – она окрасила вопрос осторожной игривостью.

Ему хотелось быть проще, он объяснил кратко:

– Надоело! В училище была столовка, теперь – столовка, общага, а настоящей жизни не пробуешь.

Она деланно всхотнула, но он был уверен – рано считать его примитивом. Да она и не считала. Римма Сергеевна оценила честность его ответа.

– Отнеси меня в постель... – проворковала, лениво ластясь.

Исполнив веление, он отпустил щедрую порцию нежности раскинувшейся навзничь даме, продемонстрировал класс в оральном ласкании её сладкоежки, и доведённая до преде-

ла пылкості Римма Сергеевна отменно показала себя в под-
машке.

Потекла новая жизнь Можова. Римма Сергеевна, закончив в гостинице хлопотный рабочий день, приносила домой импортных кур, шматы тамбовского окорока, стерлядей. Частенько Виктор отправлялся обедать в ресторан гостиницы. Расслабился, разнежился от довольства, каким его ещё не баловали, безбожно пропускал лекции в институте.

Он просил Римму приискать ему доходное занятие – у неё, разумеется, имелись нужные связи. Она обещала, но не спешила, сомневаясь в деляческих способностях Виктора, в его изворотливости, без какой так нетрудно попасть под пяту государства.

Морозным декабрём в поздний час она и Можов возвращались в её «жигулях» с балета и были остановлены гаишниками, собиравшими мзду. Дама выскользнула из авто, держа в руке сумочку, содержимое которой, в ходе негромкого разговора, должно было поубавиться. Но Виктор, привыкший к самоуважению, не смог остаться безучастным. Тоже выйдя из машины, вскинув подбородок, заявил: правила движения не нарушались!

Двое гаишников окинули его взорами, переглянулись, затем один вызвал по рации милицейский патруль. Римма делала безумцу знаки, подскочила к нему, потребовала, чтобы он сел в «жигули» и проглотил язык. Виктор же по своему

характеру был способен лишь независимо и гордо произнести, глядя на двоих:

– Это вы нарушаете!

Его спутница шагнула к ним:

– Не слушайте его!.. Пожалуйста... я всё объясню... с моей стороны никаких претензий! Всё, что нужно...

Можов неукротимо повысил голос:

– Ну зачем ты унижаешься?

– Заткнёшься ты, наконец?! – сорвалась она на визг.

Виктор понимал уже: благополучного исхода ждать не приходится. Но он был бы не он, если бы пошёл на попятный.

Гаишники поспешили к подкатившему милицейскому «москвичу», до Можова донеслось «пьяный...» А он позволил себе в буфете театра лишь пару рюмок мятного ликёра. Его возражения восприняли с весёлым безмолвием, милиционеры, резко поднажав, поместили опрометчивого человека в «москвич», доставили в отделение, где он был встречен старшим лейтенантом с ехидно-цепкими глазами. Тот с явным удовольствием принял фразу одного из милиционеров:

– Бросался на инспекторов ГАИ, угрожал: «Убью!»

– Вы же видите, что я не пьяный... – начал Виктор, но был прерван:

– Пройди!

Его повлекли в камеру, и он получил неизгладимое впечатление о том, что такое отработанный удар сзади в пра-

вую почку. С полминуты им владело неистовство сопротивления, но двое заломили руки, а ещё двое принялись тюкать его по грудной клетке, животу, бокам, потом кинули на пол и предоставили корчиться от пинков. Тут скользнувший в камеру милиционер зашептал что-то старшему лейтенанту, который со взмахом руки бросил:

– Хватит!

Римма Сергеевна, последовав на своих «жигулях» за милицейской машиной, сумела добиться в приёмной отделения, чтобы её выслушали, и назвала фамилию знакомого чина МВД. Уведомлённый старший лейтенант вышел к ней, спросил, кто она такая. Дама скромно сообщила о месте работы и попросила:

– Могу я позвонить...

Офицер услышал имя, отчество одного из начальников и озабоченно проговорил:

– Может, не стоит его ночью беспокоить на дому?

Римма Сергеевна и сама была не прочь обойтись без этого. А взгляд старшего лейтенанта обрёл прозрачность человека самых честных намерений:

– Пройдёте ко мне...

Несколько минут спустя дама вышла из кабинета со своей фасонной сумочкой, которая только что открылась и закрылась. Офицер с видом предупредительного старого знакомого обогнал женщину, устремился в камеру, и оттуда вывели под руки Можова, который переступал весьма нетвёрдо, но

на лице не имел ни синяка, ни царапинки.

– Так помногу больше не пить! – строго-шутливо сказал ему старший лейтенант и, показывая всю снисходительность к провинности молодого человека, благодушно улыбнулся Римме Сергеевне.

В «жигулях» Виктор, привалясь к спинке сиденья, отвечал на вопросы сквозь стиснутые зубы:

– Рёбра целы... ну, конечно, пинали... туда – нет.

Римма сострадающе нервничала:

– Завтра отвезу тебя к врачу! У меня очень хороший знакомый врач!

Можов, морщась, рычал:

– Легавые! Ненавижу...

– Зачем, зачем ты влез?! – вырывалось у дамы. – Кто тебя просил?!

Дома она помогла ему раздеться и, увидев кровоподтёки, прижала пальцы к вискам:

– Ужас!.. – суетилась вокруг него, принесла обезболивающую таблетку, а уложив в постель, не легла рядом: – Тебе нужен полный покой! Не дай Бог что-то внутри повреждено...

Присев на край постели, поправила под его головой подушку:

– Разве можно было соваться? Чего ты добился... кому это надо?

– Но они тебя внаглую грабили! Как я мог спокойно смотреть?!

О-о... – она с гримасой отчаяния мотнула головой. – Хочешь мир перевернуть?.. А сам ты – за честный рубль?!

Он хотел бросить ей в лицо, что не намерен обирать какого-то конкретного человека, но смолчал.

– Ты – трудный, – говорила она, приняв успокоительное. – У меня муж тоже был трудный...

Виктор знал от неё, что она разведена, но в подробности брачной жизни Римма не вдавалась. Известно ему было, и что у неё есть дочь-студентка, которая живёт у бабушки, – «чтобы не стеснять маму в личной жизни», – заключил Можов. Он не питал интереса к родным своей дамы, к её прошлому, но сейчас она, видимо, не могла не сказать о бывшем муже:

– Он нарывался на конфликты с начальством! И все проблемы волок домой. Ему раз дали пятнадцать суток. Я знаю точно: он не нахулиганил, но начальник так устроил, что его посадили на пятнадцать суток за хулиганство. И мой несколько потом не успокоился, нет! В конце концов мне обрыдло: «Всё! Ты конфликтный, с тобой нельзя жить! Сыта по горло!»

Виктор попытался улечься так, чтобы избитое тело поменьше болело. «Намекаешь? – мысленно спросил он даму. – Я раньше уйду».

Происшествие поселило в Можове глухую обиду на Римму Сергеевну. Он понимал: в той ситуации, которую он навязал ей, она сделала для него всё возможное. И, тем не менее, его корёжило при воспоминании, как она старалась найти общий язык с легавыми: «Сама послушность! Сучонка угод-

ливая!»

Она оказывалась виновной в том, что ей не было дано действительностью, в какой они жили, вести себя иначе, чем она вела себя. У него не лежала душа взвешивать обстоятельства, ибо тогда пришлось бы учесть то, что говорило в её пользу, и оправдать её. А его чувства восставали против этого.

Тем более что с каждым днём он убеждался: теперь уж она ни за что не пристроит его где-либо снимать сытный наварец, она уверена – он её подведёт.

Зимнюю сессию Можов завалил. Его ждали дома на каникулы, но он мысленно воздевал кулаки оттого, что придётся отчитываться... Да и денег на билет недоставало. Приходилось просить у Риммы, что теперь глубоко его задевало, и кипяťясь он вернулся в общежитие. Там ему сообщили о звонке отца: тот вылетает в Москву в командировку, остановится в ведомственной гостинице.

Когда Виктор вошёл в номер, отец приподнялся на кровати, на которую прилёг в обуви, в галстукe, сняв лишь пиджак. Морщась, словно от нестерпимо кислого, произнёс:

– Ну, что там у тебя?

Он успел поговорить с деканом факультета, и, лишь только сын вяло начал о «неуспехе», крикнул:

– Так позорно провалиться на всех экзаменах! Чем ты занимался? Я узнал – ты не жил в общежитии, прогуливал лекции...

Отец резонно полагал, что сынок связался с жульём. Посыпались ругательства, которые в устах невежественного в мате человека оборачивались насмешкой над ним. Виктор представил себя на его месте и, ожидая ощутить сострадание, почувствовал, что страдает. Всё-таки он любил этого воинствующего дикобраза.

– Пойми – меня регулярно обкрадывали, папа!

И папа услышал – сына обворовали четыре раза. Скупое, но искренне он объяснил, что «жил у симпатичной женщины».

– Если бы ты сравнил то, что она готовит, и то, чем я давился в столовке, ты меня бы понял, папа.

– Ты что – язвенник?

– Я бы стал язвенником. У меня были приступы гастрита.

Отец, естественно, не отступил, речи его длились два с лишним часа. Не поверив, что у сына, помимо знакомства с «симпатичной женщиной», нет каких-либо иных отнюдь не безобидных знакомств, он почёл за лучшее, чтобы Виктор не пересдавал экзамены, а покинул Москву. «Неплохие вузы есть и на Урале!»

Можов-старший любил «не скрывать преданности батюшке-Уралу» – «колыбели рода», с напускной отчасти растроганностью произнося, что «Урал – и кладовая, и кузница, и во всех смыслах – сердцевина России». Извечная потребность заявлять вышестоящим о своём значении приискала для себя форму «доброкачественно-оппозиционного» уральского патриотизма. В верхнем слое уральской интеллигенции предавались настроению как бы некоего вызова Москве. Почему бы «не оставить» её столицей СССР – «при естественном, по праву вклада», стольном граде России Свердловске? Здесь открыть и Академию наук, которой почему-то нет у России, тогда как у каждой союзной республики – имеется.

Кремль пока воздерживался от окрика, поскольку забав-

лялась порода почитающих, и зачем повышать голос на тех, кто чтит подозрение к собственному голосу? Таким образом, Можов-старший мог наслаждаться ролью наседки на яйцах уральской самодостаточности. Виктор же теперь был рад услышать, вместо разноса, много раз слышанные размышления о значении Урала, о его истории и о его будущем.

Возвратившись домой, он, прежде всего, показал основательность сугубо практичного человека: пошёл учиться вождению автомобиля и получил права. Напрягшись в подготовке к экзаменам, в конце июля отправился в Свердловск, где жила старшая сестра матери, и поступил в Уральский политехнический институт.

Тётя и её муж, крепенький хозяйственный пенсионер, обитали в собственном бревенчатом доме: три комнаты, чуланы, кладовые, пристройки. Тётя в давней домашней манере частенько называла мужа по фамилии: Хритин.

Григорий Федотович Хритин ездил на своей старой, но хорошо отремонтированной «победе» за город на дачу, где разводил пчёл. Супруги прибыльно торговали мёдом и, как принято было говорить, питались с базара. Тётя кормила Виктора наваристым борщом непременно с густой деревенской сметаной, а также супами: куриным, с бараньим потрохом, с горохом и домашней ветчиной. Само собой разумеется, подавались сваренные в костном бульоне пельмени. Не переводились пироги, беляши, пончики, ватрушки.

Можов блаженствовал взятяжку. Родители ежемесячно высылали сумму на его содержание, он получал стипендию. У отца, который заставил себя сделать выводы и помягчел, не приходилось теперь просить денег, он каждое первое чис-

ло отправлял сыну двадцатку «на карманные расходы». Григорий Федотович позволял Виктору катать на «победе» девушек и иной раз вдвоём с подругой поужинать на даче и заночевать, что бывало так кстати, пока не прижали холода.

Выдалась поистине счастливая полоса жизни. Можов, не слишком отлынивая от учёбы, выжал из своих способностей необходимое и сдал зимнюю сессию на «хорошо» и «отлично». Отец увидел много в свете воскресших надежд и решил укрепить его на «волевой стезе». Настоял, чтобы сын провёл каникулы «по-спартански – в мужественной обстановке гор». Виктор был включён в группу лыжников, и ему из сурово-романтической дали улыбнулась Черкесия.

Уносимый скорым поездом Можов чувствовал себя похожим на лист, которому объясняется в любви могучая воздушная струя. Он постаивал в коридоре купейного вагона в нарастающей тоске по взмаху крыльями свободы. А поезд, проехав станцию Волгоград, никак не мог проехать длинный змеевидный город, незамёрзшая река тянулась и тянулась. За тёмно-серой Волгой немного возвышался коричневатый, местами побелённый снегом берег, а выше всевластвовало небо сизо-железного цвета.

Душа малого молила об отдохновении. Покашляв, он сказал руководителю группы, как в сортире выворачивала рвота и ноги подкашиваются: видимо, отравился варёным мясом в топлёном сале, которое продают в банках бабки на перроне. Руководитель, не любивший Можова как навязанного «по благу», догадался и, маскируя радость пренебрежением, спросил:

– Где сойдёшь?

Так и подмыло подразнить спортсмена.

– Может, обойдётся...

Сошёл в пятом часу вечера на станции Тихорецкая. За перроном высились пирамидальные тополя с дождевыми каплями на голых ветвях, снега нигде ни следа, температура плюсовая, голуби купаются в лужах. И это – в последней де-

каде января, в самый разгул морозов в «сердцевинной России».

Чуть в стороне от здания вокзала смиренно переносили малолюдье гниловатые столы базарчика. Пора не ранняя, и Виктор спрашивал себя, не припозднился ли он с желанием проверить свою догадливость, что связывала базар с домашним вином, предлагаемым на разлив. С чемоданом в руке он приблизился к торговому рядку и, увидев полиэтиленовую канистру, сделал приятное торговке, томящейся под открытым небом:

– Не нальёшь, мать, стакашек?

– И налью, молодой человек, и налью...

Мутновато-красное вино показалось подкисленной водичкой, но оно омыло представления о сладких вещах. В то время как тётка уговаривала его купить и пирожок, он ухватился мыслью за всё то, чего поднабрался в ресторане гостиницы у Риммы Сергеевны, где делеги, приезжавшие отовсюду, не всегда безмолвствовали в подпитии, да и сама директриса не могла не просветить настырного молодого друга насчёт способов заработать.

– А что, мать, можно тут на квартиру на время? – сказал Виктор в некоем предвкушении, прислушиваясь к действию второго стакана и к сердечному шуму врасплох объявшей весны.

– А на что вам? – спросила проницательность голосом малосильной стяжательницы, и малый стал приоткрывать себя

в соответствующем ракурсе:

– Пирожок с яйцом?

– С картошечкой, хлопец, со своего огорода картошечкой... и откуда вы будете, такой гарний молодой человек?

– Остыл пирожок. Они только горячие хороши.

– И-и-ии какие разговоры для хлопца! Нехай старики горячие пирожки щупают. А жить я бы пустила – до лета дача пустая стоит. Чего тильки здесь шукает москвич?

– С севера я, из Воркуты. Чеснок буду у вас закупать: конечно, не по госценам, – использовал Можов кое-какой, пусть и умозрительный, опыт.

– Так приезжал же пожилой!

– Было. А теперь ребята меня прислали.

И малый заполучил ещё одно женское сердце: на этот раз как деловой мужчина, который играет в кости с государством, завозя чеснок туда, куда оно его не завозит, но всегда выигрывает на костях.

– Я и сама уступила бы чесноку... – сказала женщина, как бы ещё не решившись и приглашая к уговорам. Она хотела знать его осведомлённость о ценах.

Виктор тоже стремился к знаниям:

– Тепло на даче? Постель есть?

Его заверили в наличии постели, калорифера и электроплитки и в том, что он мог бы всем этим немедленно наслаждаться, если бы купил непроданные четыре литра вина. В канистре не было и трёх литров, но он уплатил и направил-

ся с тёткой к дачному посёлку. Они шли у края обширного пространства, устланного железнодорожными путями и гудливо-гулкого от тяжёлого густого движения составов и маневровых локомотивов, в том числе, пыхтящих, сопящих паровозов, которые не спешили в утиль. Станция Тихорецкая – мощный узел пересечения нескольких железнодорожных направлений, и каждое загружено и перегружено.

Дощатый настил перекидного моста убежал далеко вперёд, а внизу неслись, плыли, стояли цистерны, открытые платформы, товарные и пассажирские вагоны. Потом Виктор увидел сверху дымчато-сумеречную голь садов и множество угнездившихся в ней безлюдных летних домишек.

Хозяйка отперла калитку, и они прошли в глубину участка к временке, обмазанной глиной и выбеленной известью. Ступеньки вели на высокое крыльцо под навесиком. В помещении стояли кровать, стол, три стула и посудный шкаф, тут же хранились и орудия труда: из-под койки выглядывал черен, похоже, лопаты, а сбоку от двери прислонились к стене две мотыги.

Вид старого, но достаточно толстого одеяла на постели отвечал настрою, и Виктор попросил включить калорифер, поставив на стол канистру с вином и доставая из шкафа посуду. Малому так и виделось молодое раскованное создание, и рука потянулась к чашке, чтобы ввести душу в преддверие завораживающей неги. Хозяйка всучила ему холодные зачерствелые пирожки, и он, раскошелившись, не чаял, ко-

гда она уйдёт.

Она же настропалилась содрать с него за полмесяца впереёд, зная, что с закупками не сладить в два дня, а он-то и рассчитывал на пару деньков приключений... Кое-как помирились на пяти сутках.

— Курвочки наши вам прохода не дадут — приводи. Жарко спать будет. Вино будете у меня брать, картошку: вон полный подпол, — она притопнула по доскам пола. — И чеснок там. Хотите посмотреть?

Отказ был бы подозрителен, и он спустился в подполье, поглядел и одобрил товар.

— Скильки даёшь за кило? — пытливо взглянула хозяйка.

— Пока не скажу, мать. Зависит, не захочет ли ваше здешнее начальство меня ободрать догола и сколько запросит железная дорога...

Когда вылезли наверх, в окне нудно задребезжало стекло: через станцию одновременно проходило несколько составов. Грохот давил на перепонки и мешал слушать, что говорила хозяйка. Она отдавала ключи: этот к замку на калитке, а два — для двери.

Они распрощались до утра, и Виктор, пожертвовав минут десять, дабы она достаточно удалилась, запер домик и зашагал к вокзалу.

Он полагал найти ресторан, что и удалось, попался и неза-
нятый столик. К читающему меню гостю подошёл официант
одних с ним лет:

– У нас идут солянка сборная, антрекот из говядины и
бифштекс с яйцом.

– И всё? А тут стоит: паштет из печени, язык заливной?

Парень невозмутимо пояснил:

– Это как оформление меню. Надо читать не где напеча-
тано на мелованном, а, видите, вложено, – он указал на уз-
кий обрезок бумаги вроде папиросной. И тепло добавил: –
Водка «кубанская» есть, очень мягкая.

Можов заказал к бифштексу триста грамм, а взор шарил
по залу и отмечал личики, достойные того. Грянула музы-
ка, он приглашал девушек на танец, отплясывал, знакомил-
ся, ухаживал: две согласились встретиться с ним назавтра,
но до закрытия ресторана так и не нашлось заинтересован-
ной в ночлеге.

Ночь ожесточилась нахрапистой непогодой. Грязь под но-
гами не замёрзла, но Виктор предпочёл бы стужу или ме-
тель этому противно-сырому разнузданно свистящему вет-
ру. Урезанная луна наспех выскакивала в прорехах несущей-
ся облачной мути, и тотчас снова бурей набрасывалась тем-
нота. С прискорбием кричащего одиночества Можов шептал

два-три слова, попадая ботинком в рытвину, и продолжал безотрадный путь меж огороженных глухих участков и покинутых на зиму домишек. Хотя бы где собака бреханула! Ненастье глушило живые звуки и время от времени само теряло голос в грохоте поездов.

Перед тем как войти в калитку, Виктор помочился, встав так, чтобы ветром не сносило брызги на брюки. В домике его обдало теплом: уходя, он оставил включёнными калорифер и электроплитку, чтобы привести предполагаемую спутницу в объятия разнеживающего жара. Прогоркло пахло жжёным, и, бросив ключ в замке, он кинулся к раскалённой электроплитке, отодвинул её от кровати: в образовавшейся на одеяле дыре затлевала вата. Он включил свет, схватил ковшик, плававший в ведре с водой, и залил припалину.

Теперь следовало нагреть воды, чтобы почистить зубы. И тут сквозь стенания стихии проклюнулись голоса. Это не понравилось, хотя он ни от кого не прятался, за ночлег уплатил и имел в достатке силы и ловкости. Однако одиночествовал он в чужом месте, и в подобные ночи инстинкт бывает на посту.

Голоса приближались – Можов потушил свет.

Справа от двери было прорезано узкое оконце: он отдёргнул занавеску и, пригнувшись, глядел. За изгородью остановились люди, потом калитка распахнулась – два мужика шли к домику, следом рослая молодое шагающая женщина несла в руке какую-то ношу.

Заскрипели ступеньки крыльца: тот, кто взбежал на него, пропал из поля зрения. Щёлкнул отпираемый замок, но во втором изнутри торчал ключ, оставленный впопыхах, и ключ прищельца наткнулся на него. Дверь с хрустом дрогнула от пинка.

– Вынь, чертяка! – гаркнул, бесясь, мужчина.

Виктору подумалось: раз есть ключи, то это родные или знакомые хозяйки. Не муж ли, обозлённый, что баба пустила жильца? Без охоты настраиваясь на объяснение и, кажется, драку, Мозов в мрачной безвыходности собрался отпереть, но тут месяц озарил стоящих перед крыльцом мужика и женщину. На нём погоны, кобура, сапоги. «Старшина милиции!» – открытие тотчас окунуло в незабываемые хлопоты, которыми он в минувшем году обременил охранителей правопорядка.

В мозгу нарисовалось: тётка капнула, что приехал спекулянт с севера, и легавые заспешили поддержать его за кисет. Обманувшись относительно ожидаемой суммы, они выразят

ему разочарование – вдохновенно по-садистски. Они будут измываться над ним с тем, дабы он через них подал весть друзьям и те выкупили бы его.

У малого тело разверзло все поры, окатываясь свежим потом. Выпитая водка обострила импульсивность. Меж тем дверь наподдали ещё разок, но, видать, сочли излишним обивать носки новых сапог: вой ветра рассёкся сухим хлопком выстрела, негромким на шумовом фоне проходящего поезда.

– Сделаю решето из филё-о-нок!!!

Его кинуло к окну, у которого стоял стол: выбить раму, выпрыгнуть – но они обогнут домик и либо успеют сцапать, либо подстрелят. В дверь пальнули в упор – удар выстрела продолжился мгновенным свистом пули и острым стуком, с каким она въелась в стену.

– Сейчас... – он бросился в угол сбоку от двери, где стояли мотыги, и, уже не думая, но слушаясь кого-то в себе, выбрал тятку, чей черен был короче и позволял размахнуться. Держа его правой, протянул левую руку:

– Открываю! – выдернул ключ из замка и плотно сжал черенок обеими руками.

Дверь распахнулась – входил милиционер. Прикрываемый дверью Виктор отклонился вправо до полу, заноса в сторону мотыгу. Вошедший сделал шаг, и в миг, когда он поворачивал голову, осматриваясь, Можов резко распрямылся, в развороте рубнул его снизу под шапку. Заточенный край

тыпки проник в крыло носа и надбровную дугу, разрезав глаз, пистолет упал на пол: в дверной проём падали лунные лучи, и на рукоятке блеснула пятиконечная звезда.

Виктор схватил оружие и, в то время как раненый оседал и скрючивался, взглянул в дверной проём. Старшина, что стоял у крыльца, уже вырвал пистолет из кобуры и вскидывал его – Можов дважды нажал на спуск. Фигура сотряслась с какой-то стремительностью и грянулась оземь. В ту же секунду раненый в домике вдруг обхватил малого за ноги, едва не опрокинув. Виктор вжал ствол ему в спину ниже воротника шинели, выпустил две пули.

Теперь он видел женщину, которая держалась за голову, пятилась и припустила к калитке. Он чуть не выстрелил – то ли показалось, она уже далековато: не попасть, то ли ещё что-то не дало; он помчался и, настигнув в проулке, вывернув ей руку, привёл назад во времянку. Она не визжала – из благоразумия или оттого, что вконец обалдела. Сам он дрожал крупной ужасной дрожью и, сжимая одной рукой её запястье, водил по сторонам стволом пистолета.

Пойманная была не старше двадцати. Он хотел усадить её на стул, но она боялась обойти лежащего на полу.

– Ты – легавая?

Она разинула и округлила рот, но попытка заговорить не удалась.

– Ты – свидетельница! Он начал стрелять – он! Хотел меня убить! – парень выкрикивал это в истерическом порыве

высветлить свою очевидную невинность перед теми, кто вот-вот набежит, и вместе со страшным осознанием, что ничем уже не обелиться, держалась мысль: а, может, и не набегут сию-то минуту...

Выглянул в дверь: шум унёсшегося состава затухал – мощнее буйствовал ветер, и кругом было всё так же безлюдно. Он помнил грохот состава при первом выстреле – значит, и последующая пальба глушилась.

Метнулся к девке:

– Зачем шли сюда-аа?

Отпрянув, она наступила на руку лежащего и не заметила:

– Меня Семенчук выгнал...

Девушка привносила радость в свободные ночи целого круга мужчин, однако с мужской благодарностью уживалось коварство. Один тип пообещал гостье тепло и уют до утра, но насладившись, выпроводил её на улицу.

– А тут идут они, Куценко и Сушицкий Лёша.

– Эти два мента?

Она кивнула:

– Увидали меня: идём с нами, у нас вино. Дали мне сумку – вон она на дворе лежит: там бутылъ вина, закусъ.

Милиционеры, как выразилась девушка, «выбрали погреться» дачу тётки Ковалихи. Когда муж у той запивал, она спала во времянке, почему в ней и имелось необходимое обустройство, хорошая постель. Нынче вечером мужика видели трезвым – значит, Ковалиха ночует дома.

Теперь, когда Можов знал причину визита, пронзило: бесценное время!

– Переверни его! Жив?

Она, под дулом, нагнулась над лежащим на боку и повернула его кверху лицом.

– Не дышит... – бормотнув, шлёпнулась задом на пол, разводя ноги и протягивая руки к Виктору: – Смертынька моя... смертынька...

Он направил ствол ей в лоб:

– Лезь в подпол!

Мёртвое тело не давало открыть подполье, и он торопливо помог девке. Захлопнув, лишь только она спустилась, крышку, опять уложил на неё труп, передвинул на край крышки посудный шкаф. Как страшно доставались эти минуты, когда, умея не удариться в бег сломя голову, он вылавливал наиважное в беге сознания... Отпечатки пальцев! Надев перчатки, носовым платком обтёр дверную ручку, черен мотыги и пистолет, который так и тянуло взять с собой, но он положил его на убитого.

Хотелось запереть домик, но у крыльца на виду всё равно красовался второй. Застыл на земле, подогнув ноги и вывернув руку ладонью вверх. Проблеснул месяц, и на этот момент Можов предпочёл бы стать близоруким: лицо лежащего было погружено в ямку, полную крови. Недоверчиво следя за трупом, парень с чемоданом описал большое полукружье и лишь тогда побежал.

Вокзал почти несомненно означал ловушку: кто-то запомнит и подсобит розыску... Он обежал стороной перрон и, подныривая под стоящие составы, добрался до пути, по которому нешибко катил товарняк. Виктор понёсся по гравию, и нагрузка на мышцы, кажется, превысила давление на нервы. Он изловчился забросить чемодан на тормозную площадку цистерны, ухватился за поручни и взобрался сам. Себе он оставлял только желание удаляться и побыстрее, а вопрос «куда?» уступил обстоятельствам. Это великодушие было вознаграждено тем, что состав заметно увеличил скорость.

Малый поставил целью съёжиться так, чтобы чемодан за-слонял его от ветра, меж тем как все мысли и чувства знали сейчас единственных благодетелей: меховую куртку и шапку из ондатры. Он упустил из виду засечь время, когда началась поездка и, поддерживаемый стуком колёс, глядя на проплывающие огни, полагал, что уже многие часы спасается упорным холодом духа от расточительно горячащего страха.

Огни стали множиться и тесниться, поезд сбавлял ход, и Виктор, до того как тело в окаменении скатилось бы под колёса, сбросил чемодан и сумел соскочить на щебёнку. Пришлось потоптаться и поплясать на месте, прежде чем ноги запросили рывка и махом взяли около километра до станции.

Часовая стрелка приближалась к пяти утра, станция называлась Сальск, и на первом пути притормаживала электричка. Через несколько путей стояла другая, создавая вопрос: которая не увезёт назад и, во-вторых, раньше отбудет?

Он побежал с бабами, желавшими сесть на более удалённую электричку, и перенял у них в кутерьме – на Батайск. Это подходило. Пришлось рискнуть на безбилетный проезд, чтобы не показываться у билетной кассы, где его могли запомнить.

Он страдал от скромной скорости электрички, тесным к стене соседом по скамье, и его мучило насмешливое и неоспоримое: пощадил – а она погубит! Он повторял про себя вывод, как заклинание, в детской надежде, что благодаря этому – не сбудется.

А вывод-то находил подтверждение: кассиры Сальска пытались взглядами лица, что возникали перед окошечком. Когда Можов устремлялся на посадку, линейная служба милиции и кассы уже располагали его описанием. В электричке, которая отбыла с первого пути чуть позже той, что умчала его, продвигалась группа оперативников, вооружённых показаниями Оксаны Попович, девятнадцати лет, не учащейся и не работающей.

Подполье традиционно ассоциируется с геройством, и молодая подпольщица доказала, что не напрасно. Рост дал ей возможность толкать головой крышку, и за час с лишним она достигла того, что посудный шкаф и труп сдвинулись. Узни-

да сочла найлучшим не опоздать в отделение милиции.

Измотанный парень, сидя в электричке, впал в мёртвый сон. Отличники же мордующей профессии, уж куда как зная толк в обработке плоти, находились под сильным впечатлением деяния. Его суровая эстетика была по достоинству оценена. От безупречного по меткости удара мотыгой нельзя было требовать, чтобы он оказался ещё и смертельным, но пули пробили позвоночник милиционера и дали труп. В другого попала одна пуля из двух, она порвала дыхательное горло, после чего не живут.

Не безошибочное ли предчувствие уже давно склоняло милицию к опеке временных неблагонадёжных жилищ? Зимой в них прокрадывались бомжи, изгоняемые холодами из средней полосы России, и для удобства ночных облав тихорецкая милиция запросила у владельцев дач дубликаты ключей.

Соглашались не сразу – и кому же это не понравилось? Бомжам! Они наладились бесчинствовать именно у несогласных. Бывало, найдя общий язык с замком, ночевали безобидно – но теперь погромно вырвут оконные рамы, всё в домике перепортят и испражнятся на пол. На месте разорения попадались окурки, что было странно, ибо для бомжа окурков, как известно, – немаловажная ценность.

Что да как поняли несогласные, но сломились, за исклю-

чением разве что самых неподдающихся.

Так, через внезапно озверевших бомжей, правоохранители обеспечились ключами, что помогало скрашивать ночные дежурства. Двое, которых сопровождала девушка, были уже под градусом, и их бычья горячность нуждалась лишь в мало-мальском поводе, чтобы произошёл выплеск свирепой энергии. Возможно, в их головы пришло: в домике затаился действительно бомж. Впрочем, могли они разъяриться и от того, что ключ в замке оставил пожелавший без помех выпить хозяин, которого оба регулярно доставляли в вытрезвитель, предварительно укротив по-свойски.

Пробил час, и дача пострадавшего владельца преподнесла знакомцам сюрприз.

Участник действия очнулся от сна без снов, когда пассажиры стали подниматься с мест, чтобы ощутить под ногами перрон Батайска. Можов пошёл к вокзалу, всеми силами стараясь не озираться. Ему так и виделось: вот-вот впереди, справа ли, слева возникнет фигура милиционера, чей взгляд в следующий миг почувствуется кожей и нутром. Я иду один – при том что приметы сходятся!

Он пристроился к группе: две женщины провинциально-го вида, пожилая и сравнительно молодая, и две девочки – лет пяти и лет четырёх – шли, как и положено, с грузом вещей. Руки женщин отягощали чемоданы, на плече молодой висела ещё и сумка, девочки несли небольшие торбы. Пожилая женщина приостановилась перевести дух, Можов зашёл

сбоку, предложил:

– Я вам помогу.

Он встретил насторожённый взгляд не приученной к любезностям советской гражданки.

– Вас не встретили... – выказал Виктор сочувствие.

– Некому нас тут встречать, здесь пересадка.

– Вы на вокзале будете? – обрадовался он. – Я тоже дальше еду. Присмотрите за моим чемоданом, пока за билетом буду стоять?

Женщина кивнула, позволила ему подхватить её чемодан. Услуга за услугу – это было понятно и приемлемо. Он, словно по инерции, невзначай спросил:

– Вы куда едете?

– До Петрова Вала.

Виктор сообщил, что и ему туда же. Он с обрётёнными попутчицами, по виду член семьи, остановился в помещении вокзала перед скамьёй, где нашлись два свободных места. Пожилая села на скамью, одна из девочек поместилась рядом, другую бабушка усадила на колени. Можов и вторая женщина складывали багаж горкой – мимо проходил милиционер. Парень обратился к попутчицам со словами: поезда запаздывают, поэтому так много народа скопилось. Ему ответили: народа всегда много. Милиционер, окинув взглядом беседующее семейство, удалялся.

Мать девочек и Виктор, которого не отпускал внутренний холодок, встали в очередь за билетами. Как обычно, люди

озабоченно теснились у кассы, парень, прикрывая женщину, отталкивал тех, кто пытался влезть впереди них. Со стороны всё выглядело вполне обыденно, нормально. Для мужа Можов был несколько молод, но ведь бывает же. Мог он сойти и за младшего брата. Когда подошла очередь, он взял у новой знакомой деньги и вместе со своими держа в руке, наклонился к окошку кассы:

– До Петрова Вала три взрослых билета и два детских.

Кассирша посмотрела на него и, не заинтересовавшись, выдала билеты. Ехать предстояло в общем вагоне, в купейных и плацкартных не оказалось мест.

Когда возвратились к скамье, мать девочек, сев рядом с пожилой – то ли матерью, то ли свекровью, – взяла дочь на колени, а Виктор устроился перед ними на положенном на пол чемодане. Пожилая спросила:

– Вы в Камышин?

Парень, не зная, куда заведёт ответ, скрыл растерянность широкой улыбкой, сказал:

– Я к бабушкиной сестре еду, не был у неё никогда – мать попросила съездить. Та заболела, живёт одна, помочь надо.

– Плохо старой-то болеть, когда одна живёшь, – вздохнула пожилая женщина.

Завёлся разговор на эту тему. Можов вставлял реплики, навёл беседу на нужное и окольно вызнал, что попутчицы, доехав до Петрова Вала, переседают в электричку на Камышин. Чтобы избежать вопроса, куда он едет, Можов спросил

девочек, знают ли они сказку про Карлика Носа. Они не знали, он принялся её рассказывать.

Пока ждали поезда, он раз пять заметил в зале милиционеров, один, а затем второй прошли совсем рядом – каждый раз парень цепенел. Когда двинулись на посадку и он нёс два чемодана, то на перроне боковым зрением усёк фигуру в форме, тут же наклонился к младшей девочке:

– Не отставай, за ручку чемодана держись.

Народ, толпясь, штурмовал вагоны, и Виктор, защищая девочек от давки, выдержав борьбу за места, стал совсем своим для попутчиц. Поезд, казалось, упорно не набирал скорость. Пообвыкнув в тесноте, спутницы Можова собрались перекусить. Ему предложили два варёных яйца и бутерброд с «любительской» колбасой, он, поблагодарив, взял только яйцо, а от остального упрямо отказался:

– У меня привычка – не ем в поезде! Чего только мне мать с собой не совала!

К его словам отнеслись с добродушным недоумением. Позже он, однако, у проходившей разносчицы купил пирожки с капустой, а также две шоколадки, которыми угостил девочек. Муторно-напряжённый день всё никак не мог истечь. Наконец при свете фонарей сошли на станции Петров Вал. Можов заявил попутчицам, что не покинет их, пока не поможет сесть в электричку, и так и сделал. Прощаясь, пожелал:

– Счастливо доехать!

Вернувшись в здание вокзала, направился в туалет, где на-

шла розетка; достав из чемодана электробритву, побрился. Он не стал искать, к кому прибиться: второй раз вряд ли повезло бы, да и был он уже довольно далеко от места происшествия. Но к окошечку кассы не пошёл. Прибыл поезд, проходивший из Адлера до Южного Урала, и он сел в общий вагон, сунув проводнику столько, сколько стоил проезд в купейном, будь там места.

В длинной дороге не раз посетив вагон-ресторан, в подпиртии сошёл в Челябинске, откуда было недалеко до дома. Он чувствовал: изнемогшая воля вот-вот опочит хоть на снегу, хоть на углях – не миновать всерьёз припасть к стакану, а там уж и засыпаться через язык. Что оставалось, как не запросить помощи, то ли сложив ладони, то ли прижав их к глазам?

Открывшей дверь матери он улыбнулся так вымученно, что та, в первый миг обрадованно воскликнув:

– О, Витя! – тревожно спросила: – Тебя обокрали? – но тут же заметила: чемодан при нём.

Сын проговорил удручённо:

– Сорвалось с горнолыжным спортом.

Разведя руками, устало снимая куртку, кратко поведал матери: в поезде ребята подвыпили, и он от других не отстал, а руководитель взъелся именно на него, хоть и сам был нетрезв... словом, получилась свара, он сошёл с поезда – и домой.

В прихожей уже стоял отец, и Виктор, поцеловав в щёку мать, с выражением: «Иду под розги!» – направился за родителем в его кабинет. Плотнo закрыв дверь, сын присел на стул перед отцом, опустившимся в кресло, и стал исповедоваться, то и дело потерянно, беспомощно прикасаясь пальцами правой руки к нижней губе.

Поведав о жизни у Риммы Сергеевны, рассказал о встрече с гаишниками и о том незабываемом, с чем познакомился в отделении милиции. Затем, заново переживая происшедшее, восстановил его с момента, когда оказался в Тихорецкой, до убытия оттуда на тормозной площадке цистерны, обрисовал и свой дальнейший путь до Петрова Вала.

Можов-старший, слушая, горбился, ниже и ниже опускал голову. Попросил дать ему таблетки из секретера. В кабинете был графин, Виктор налил стакан воды, но отец потребовал графин, проглотил таблетку и пил, пил из него, выпил всю воду до капли. Уперев локти в колени, сжимая обеими руками горлышко графина, сидел недвижно, поднимая тяжёлый взгляд на сына и вновь опуская. Заговорить смог лишь минут через десять.

– Я на тебя не лаю – поздно. Всё – поздно! Этих кретинов я бы сам убивал время от времени – после работы, для разрядки. И хорошо бы себя чувствовал. Как они обращаются с пьяными, с бродягами – известно, но с этим отребьем так и надо, я их не жалею. Сволочь – и те, и другие, но ты не должен был с ними столкнуться. Я с ними никогда не сталкивался. А ты нарушил правила. В нашей стране нельзя нарушать правила – я имею в виду не закон, а правила для тех, кому хорошо. Мне было сравнительно хорошо. Тебе – нет? Неужели нельзя было не пойти к той директрисе? А к той торговке на станции? Если в самом деле настолько замучила учёба, почему и вправду было не выпить в вагоне-ресторане?

– А руководитель смолчал бы?

– В крайнем случае, вернулся бы с дороги в Свердловск, и уж там...

– Тётя Лиза тут же бы позвонила маме...

– Да, конечно... Но какого рожна тебя завело сойти неизвестно где? Зачем ты связался с этой торговкой вином? Сей-

час всё было бы по-другому... Никакие мои связи не помогут – МВД умеет постоять за свой престиж. Оно не уступит давлению. Да никто и не возьмётся давить при таком диком случае: перестрелять двоих милиционеров! Ни о каком объективном расследовании нечего и помышлять – тут работает правило, не закон. Милиционеры при исполнении обязанностей заметили незнакомца, который вошёл в дачный домик, они должны были поинтересоваться, кто он, что делает... а он напал! Именно так всё уже зафиксировано на бумаге. Ни о каком вине, что у них с собой было, и речи нет. А девушка скажет, что ей велят. Тебя ждёт верный расстрел, а до того они, конечно, поизмываются... Витька... а-аа, Витька... – отец стал хватать ртом воздух, уронил пустой графин на ковёр.

Виктор помог ему встать с кресла и лечь на диван.

– Я пока с тобой, меня ещё не схватили... Может, на след не нападут?

– Если ты не наследил... ты действительно там ничего не оставил? Раз ускользнул, может быть, есть надежда... В общем, они там кретины. Все способные люди у нас в армии. Да – но ты сам можешь выдать себя. Загуляешь, сболтнёшь... Те, кто тебя знают, заметят, как ты изменился... прежде всего, заметят самые близкие... – он оторвал голову от подушки, указал глазами на закрытую дверь. – Мать не сможет не поделиться с подругами, – прошептал, страдальчески и гадливо морщась, откинулся на подушку, тут же опять припод-

нялся: – Витя, нам до зарезу нужно нестандартное решение.

Виктор опустился у дивана на колени, смотрел в лицо прикрывшего глаза отца, осознав, что, нередко ругая, высмеивая его про себя, всегда любил его. Всё существо сейчас пронизывала точащая слёзы любовь к отцу. Тот пробормотал:

– Я посижу с тобой на кухне. Выпей стакан водки, плотно поешь и спать.

Можов-младший выпил два стакана водки, съел тарелку студня, круто перчённого, политого лимонным соком, сдобренного хреном, повалился в постель и проспал десять часов. Когда поднялся, было воскресное утро. Отец, во всю ночь не забывшийся сном ни на минуту, выглядел: краше в гроб кладут. После завтрака с крепким кофе оба опять уединились в кабинете.

– Будем исходить из следующего, – начал Можов-старший. – Здесь тебе оставаться нельзя. Мать почувствует, если уже не почувствовала: произошло нечто большее, чем пьяный скандал в поезде... Среди её подруг загуляет: Виктор ехал из Свердловска в Черкесию, из-за пьянки сошёл с поезда – и что-то случилось! Это будет наталкивать и наталкивать на вопрос, на догадки: что? что случилось?.. То же самое, – прошептал отец, – получится, если ты будешь жить у тёти. Только там в тебя станут вглядываться и тётя, и дядя. И оба тоже с кем-нибудь да поделятся.

Виктор восхитился неоспоримостью соображений и ждал

от отца решения. Тот проговорил медленно, чуть слышно:

– Тебе нужны особые условия. Кругом карлики, и твоя жизнь так рискованна, потому что ты – самородок. Самородок, в котором, при всём его великолепии, остался неразвившимся признак, размноженный во многих миллионах карликов... Я о том, что ты должен был молчать, когда гаишники потребовали дань с той женщины. А ты отчаянно, безрассудно... как и потом на этой даче... да что там!

Виктор растроганно прошептал:

– Папа, ладно тебе...

– Да! – сказал тот упрямо-подтверждающе. – Карлики чувствуют в тебе большого ребёнка, и их искушает соблазн встать над тобой. Ты должен быть там, где тебя не знают и где рядом будет не карлик. Где твоя жизнь войдёт в регламент и притом ты сможешь многое почерпнуть.

В выражении отца была твёрдость, он говорил приглушённо, почти шёпотом:

– Есть такой человек. Мы встречались несколько раз на несанкционированных конференциях «Свердловск – столица России». Однажды я проговорил с ним полночи. У него огромный авторитет, он – родной брат... – Можов-старший произнёс фамилию министра обороны и, словно запнувшись, помолчал.

– О маршале ходит дурно пахнущее...

– Что? – живо поинтересовался Виктор.

– Питает слабость к невинным девочкам...

Глядя на хмыкнувшего сына, отец проговорил:

— Брат, я думаю, тоже не ангел, но... — и Можов-старший счёл возможным заключить: — Двое из одной семьи не могут быть наделены одинаковыми пороками.

Виктор впервые за последнее время улыбнулся от души. Он услышал: брат министра так любит Урал, что, хотя мог бы жить в Москве, живёт на Урале.

— Глубокая волевая натура, ему претят карлики. По-моему, он очень одинок. Он признался мне, что не видит вблизи достойных людей, а ему нужен личный сотрудник — кто-то вроде ассистента, секретаря... Я испытываю к нему доверие, симпатию, у меня чувство, что, если он тебя примет, то будет опекать. Не исключено, что вы с ним схожи... я даже уверен в этом.

Отец ждал, что скажет сын, а тот думал: если в его положении так ясно видны пути к камере смертника, то почему не попробовать ход, пока остающийся непрояснённым?

Можов-старший сел за телефон... И не минуло пары суток, как в квартире Лонгина Антоновича появился темно-бровый блондин.

Алик вошла в квартиру во власти впечатлений от блондина, мама могла бы прочесть на её лице: «Кого я встретила!»

– Было весело?

– Да! И интересно. – Дочь прошла к себе в комнату, откуда бросила: – Расскажу за ужином. Только я так сыта!

Мама, взалкав рассказа, была занята неотступно посещавшим её: хорошо ли то, что кажется хорошим дочери? А та в своей маленькой комнате осваивалась с происшедшим сегодня как с волнующе-неясным приобретением.

Когда она, переодевшись в домашнее платье, появилась в кухне, папа сидел за столом в своей линялой желтоватой спортивной майке, щекастый, склонный к полноте. Он с хитроватым выражением сообщил:

– Футболист твои вещи принёс. Сказал, что ты уехала с пикника.

Алик, перенесясь в первые минуты знакомства с Виктором, задумчиво улыбнулась. Мама, положив мужу и себе на тарелки поджаристые котлеты, неохотно подчинилась жесту дочери и не поставила перед ней прибор. Будучи женщиной с выдержкой, она вместо расспросов прибегла к комплименту:

– Ты сейчас свежее, чем утром.

Дочка и сама это находила: лишь минут пять назад она оторвалась от зеркала. Попросив повидло, она взяла ломтик

булки и, избалованное дитя, озорно спросила отца:

– Что такое «ерофеич»?

Папа, некогда усердно выслуживавшийся сержант Советской Армии, а в последние годы – начальник цеха крупного завода, – блеснул зоркими глазками. Не спеша отвечать, разрезал на кусочки котлету, поддел ножом горчицу в горчищнице, перенёс порцию на край тарелки.

– И кто тебя угощал «ерофеичем»? – промолвил с ласковым лукавством.

Алик, намазывая ломтик булки повидлом, перевела взгляд с папы на маму и назвала фамилию Лонгина Антоновича.

– Что-то знаете о нём? Он учёный. И не однофамилец, а родной брат маршала.

– Есть такой... – папа воткнул вилку в кусочек котлеты, повозил его в горчищнице и, отправив в рот, переглянулся с женой.

Они жили в привязанности друг к другу. Она, сдобная дама, в сорок с лишним лет преисполненная вкуса к жизни не менее, чем в юности, была довольна мужем. Когда-то стройненькая девушка, отнюдь не сетуя на свою внешность, подала согласие на брак как милостивый жест, избавляющий парня от прыжка с моста. Батанов мог бы её шокировать: он не видел в ней такую уж недостижимую красавицу. Но она его волновала, чтобы вскорости и успокоить: не проиграл ли он по другим статьям. Став врачом-косметологом, жена успеш-

но помогала в нуждах тем, кто был способен, в свою очередь, спасти от нужд – касалось ли то бакалеи, галантереи или импортной мебели.

Ценя жену, Батанов, как и она, гордился дочерью и был внимателен к опасениям, которые Алике вызывала у матери. Та полагала: дочка слишком впечатлительна и, не дай Бог, «увлечётся фантазией». Под этим подразумевалось увлечение каким-нибудь непризнанным гением из художников, поэтов или изобретателей. «Такие всегда на пороге достижения, – говаривала мама папе, – но жизнь идёт, а они болтаются, как... кое-что в проруби». Будь родители вольны выбирать, кем быть дочке: «идеалисткой» или сладострастницей, они предпочли бы второе.

За ужином поглощая котлеты, мама и папа хотели бы почувствовать в рассказе Алики плотский привкус.

– Боря-футболист сказал, что ты вроде ногу повредила, – произнесла мама: она сразу по походке возвратившейся дочери увидела, что ноги в порядке.

– Я оступилась и испугалась, что разболится. Обошлось. А то хотели отвезти меня к травматологу.

Родители отметили – «хотели». Мама спросила:

– Налить тебе молока?

– Не, кефира.

Папа с добродушной усмешечкой проговорил:

– И куда же они тебя повезли?

– Домой к учёному, он пригласил меня на обед, – сказала

Алик невозмутимо, как о чём-то, что в порядке вещей.

Впрочем, играть на нетерпении родителей ей не хотелось, и она рассказала: профессор и его помощник поехали в лес развеяться, помощник намеревался ягоды пособирать, да не нашёл. Возвращался, а тут у неё с ногой приключись.

– Помощника и за ягодами послал, – вставил папа не сказать чтобы с осуждением.

Дочь строго взглянула на него:

– Профессор слепой. Ты не знал?

Отец посерьёзней:

– Не слышал.

– Совсем слепой? – с неудовольствием произнесла мама.

Кивнув, Алик закончила рассказ описанием квартиры Лонгина Антоновича и обеда, кратко упомянув, что говорили о поэзии:

– Профессор читал наизусть Гумилёва, а Виктор – Бальмонта.

Два дня спустя Лонгин Антонович позвонил девушке, светски-участливым тоном осведомился, как у неё дела, и попросил позволения «высказать кое-какую идейку». Алик весело произнесла:

– А почему бы и нет!

Он сказал, что менее чем через неделю «стукнет тридцать лет», как он живёт на Урале.

– И идея моя в том, чтобы это отпраздновать с вами и со всей вашей компанией, которая была в лесу.

Девушка от неожиданности не нашлась, что сказать, кроме:

– Это оригинально!

– Я приглашаю вас и ваших друзей в следующую субботу в ресторан «Уралочка», – передала телефонная трубка про-никновенную просьбу профессора.

Алик понимала, что надобно удивиться, поиграть в смущение, поколебаться, но не захотела это делать. А Лонгин Антонович объяснял, почему выбрал «Уралочку». Во-первых, название подходящее, во-вторых, ресторан открылся только полмесяца назад, а на первых порах снабжение щедрее и обслуживание лучше.

– Я передам ваше приглашение, – пообещала девушка, – но не знаю, кто как откликнется.

– Очень надеюсь, что придут все, – прозвучал в трубке тронутый грустью голос жизнелюбия, которое не желало бы сдаваться.

В продолжение разговора и после Алик переживала натиск вопроса: каким предстанет на банкете Виктор? Её творящая воля бросилась играть красками и линиями и всё острее волновала тем, а как должна выглядеть она сама? Она вновь и вновь поворачивалась перед трельяжем, примеряя наряды... К ней словно прикасалась хрупкая ласка того дня, когда она школьницей впервые пришла в Дом моделей. Маме с её умением никогда не упускать нужное стало известно, что требуется манекенщица-подросток. Простенькое, казалось бы, платье так преобразило школьницу, что, оглядев её, директриса Дома моделей, поджарая дама с сигаретой, встала рядом с нехуденькой маменькой:

– Назвать её сейчас Аллочкой? Не идёт. А что идёт? Алик!

Теперь, в атакующих её представлениях о банкете, девушка, примерив облегающее платье с вырезом, мысленно воскликнула: «Всего лишь Аллочка!» И выбрала другое – повеселее, типа греческой туники с защипами на плечах, перехваченное пояском. Оно должно бы скрадывать формы, но происходит наоборот: лёгкая ткань, при каждом движении приныкая к телу, подчёркивает линии фигурки. Серо-голубой – жемчужный – цвет туники подходит к цвету глаз. Отступить на пару шагов от трельяжа, приблизиться... Прodelать это ещё раз, ещё... поворотик, ещё... Набросим на пле-

чи пелерину из того же полупрозрачного шифона, кусок ткани свернѐм жгутом и, перевязав им волосы, небрежно кинем концы на правое плечо. На нас глядит из зазеркалья истый кураж в облике *играющей девочки* – Алик.

В квартале от «Уралочки» встретились, чтобы направиться туда вместе, Алик, подъехавшая на такси, Дэн, Галя и Люда, которая всё ещё гостила у родителей Боба. Сам он со своей командой накануне вылетел в другой город. Друзья Алики узнали из телефонного с нею разговора, кому принадлежит увёзшая её чёрная «волга». Девушка рассказывала об очень занятом слепом чудеке-учёном, но они переключались мыслью на иную хорошо запомнившуюся фигуру.

Виктор стоял на тротуаре у ресторана и пошёл навстречу компании. Алик вся внутренне подобралась. Он был безупречно эффектен в костюме стального цвета в тёмную полосу, в синей рубашке с расстёгнутым воротом. В какое блаженство окунул девушку его взгляд, вобравший её всю с её нарядом. Двое видели лишь друг друга, меж тем как три пары глаз пристально наблюдали за ними. «Самец, умеющий себя подать! – была мысль Гали. – Сейчас он в чарах Цирцеи, но на меня обязательно положит глаз». Пятунин перебирал в уме фамилии портных, какие могли так одеть этого претенциозного блондина. Если бы Дэна попросили охарактеризовать его одним словом без перехлёста эмоций, он со всей сдержанностью дал бы определение: «Полусволочь – по меньшей мере».

Испытывая к Виктору иное и гораздо более терзающее

чувство, Люда Енбаева предавалась сушей муке – смотреть на него и модницу. «Повернусь и уйду!» – объявляла она себе, понимая, что не уйдёт.

– Мы снова встретились, – проямлила она, впрочем, довольно громко, и молодой человек, наконец, обернулся; начав с неё, он уделил улыбку с чуть заметным поклонцем Гале и Денису, здороваясь и добавляя:

– Лонгин Антонович будет рад...

Можов повёл компанию в зал ресторана, где осанисто стоял профессор в почти чёрных очках – неожиданно внушительный. Виктор представил его Дэну, Гале и Люде, а тот, любезно клоня голову, слушал, как называли себя гости. Затем сообщил, что зарезервировал три столика:

– Чтобы вы могли рассаживаться в самых разных сочетаниях...

Попросил выбирать в меню что захочется:

– Цены сегодня не существуют! Обязательно рекомендую всем жаркое в горшочках. Напитки я уже заказал: увы, это лучшее, что тут имеется. Советское шампанское, вино «Лидия», коньяк «Плиска».

Он пригласил за свой столик Галю и Пятунина и повернул голову совсем не в ту сторону, где стоял его помощник:

– Виктор, а ты, будь добр, займи пока Алика и Люду.

Дэн не отказал себе в удовольствии подумать, что слепой не против посводничать. Однако нельзя было не отдать должное похвальной для несчастного галантной лёгкости об-

ращения:

– Галочка, Денис, вы оба родились на Урале? Как славно! А я приехал сюда тридцать лет назад и – влюблён... Сегодня влюблён как никогда. Климат, обычаи, самобытность коллективного бессознательного – да простится мне громоздкость фразы. Суть та, что Урал, Гималаи, Алтай – прародина единой цивилизации, чего мы, её наследники, пока не poznали...

Дэн вставил с томной ноткой устающего от таких разговоров человека:

– Но вы-то poznали, наверно?

Лонгин Антонович с иронично утрированным апломбом произнёс:

– Познать – значит увидеть рождённую здешними краями индивидуальность!

Он замолчал, словно удовлетворённый тем, что сказанное воспринято как заумь.

– Кровь! – сказал он. – Кровь породившая и кровь пролитая. Кровь – пароль и признак... Но давайте не о той, о которой вы подумали, а о маслянистой высококалорийной удушливо пахнущей и одновременно ароматной крови Земли – о нефти. Моя специальность, – пояснил, как бы заключая изложенное в скобки.

Галя, нечасто питая симпатию к знакомым, редко изменяла себе и в отношении к остальным. Она глядела на слепого без притворства: «Говоришь, как вурдалак, разве что

причмока не хватает».

Профессор вдруг обратился к ней, отделённой от него столиком:

– Вы темноволосы? Да? О-о... В пору, когда я видел, – промолвил печально, – я запомнил взметнувшуюся нефтяную струю при ослепительном солнце... исчерна-коричневый цвет в серёдке переходил в цвет мёда по сторонам. Мне кажется, у вас карие с блеском глаза. Если так, я сравнил бы их цвет с игрой оттенков нефтяной струи...

– Замечательно! – произнесла девушка без восторга, а Пятунин изумлённо уведомил слепого:

– Глаза у неё действительно карие. И бывают с огоньком – правда, холодным. – Он словно в испуге отстранился от Гали, делая вид, что пытается съёжиться, – она вскинула руку, чтобы дать ему по загривку, но удержалась.

– Не буду вам более докучать, друзья мои, – преувеличенно заботливо произнёс Лонгин Антонович. – Вас ждёт отдельный столик.

Молодой человек и девушка пересели, на столике стояла бутылка советского шампанского, и Дэн был обрадован: довольно редкое полусладкое, а не распространённое сухое.

Виктор остался один за столиком – девушки теперь составили компанию профессору. Люда оказалась напротив него, Алик – по правую руку.

– Ещё раз здравствуйте, дорогой... Лонгин Антонович, – она чуть не назвала его Велимиром-заде, будучи в приподнятом настроении, но сдержалась при Енбаевой.

– Я блаженствую, – сказал он, подтрунивая над собой. После паузы произнёс тоном размышления: – Людмила видит меня впервые и, конечно, думает: хорошо ли, что такой человек, как я, наслаждается обществом столь юных девушек.

Профессор замолчал, молчала и Люда, но не выдержала:

– Вы лучше меня знаете, вот и скажите за меня.

Он кивнул.

– Я скажу, что в народе говорят. Если бы и самые старые шуки не клевали, как и все, то не было бы ухищрений отбивать привкус тины.

У Алика вырвался смешок и едва не вырвалось «Браво!» Люда смотрела на слепого с мыслью: «Я хочу думать, что вы порядочный и не подкатываетесь ради кое-чего...»

Он продолжил:

– Ещё есть в народе поверье. Когда заканчивается жатва, девушки должны сжать последний сноп, называемый – снопомолчанушка. Жать его надо молча. Если девушка заговорит,

жених будет слепой.

И Алику, и Людмиле одинаково не понравилось то, что сказал профессор. Им стало тягостно. Он предпочёл не замечать этого, говоря: народные поверья – тот глубинный, донный ключ, который освежает веру, помогает ждать, струя втекающая рождает вытекающую – и чем не пример он и его имя? Народ почитал Святого Лонгина как врачевателя глазных болезней.

«Он надеется, что будет видеть?» – жалостливо подумала Алик.

Заиграл оркестр, нахлынула властная мелодия, голос певицы был хорош, пробирал бередящей меланхолией:

*Ветер, листья
Догони, догони-и-ии,
Возврати назад,
Верни, возврати-и-ии...*

В продолжение песни девушки и Лонгин Антонович хранили безмолвие. Потом он произнёс:

– Эти дни в народе зовут Мироны-ветрогоны. Они гонят пыль по дороге, по красному лету стонут... Вам, девушки, это ещё долго не будет слышно...

Алик слышала закоснело-отчаянного неудачника, который изнывает по радости более мучительной, чем всякая скорбь:

– Если бы мне не было отказано в пустячке... Для меня

несравненно важны наступающие осень и зима. Должно решиться то, чего я много лет жду... Поверье рекомендует в дни-ветрогоны смотреть на воду: коли в полдень окажется тиха – осень будет приветливая и зима без бурь.

Алик про себя взмолилась: не говорите более, чем уже сказали! Почему вам непременно должно быть мало того милого, что создалось?... Она сострадала ему, и её пугало, что он вынудит сказать то, что ему больно будет услышать.

– Завтра в полдень я погляжу на воду и позвоню вам, – промолвила она, не договорив: «И тут будет вешка границы!»

Енбаева устала на неё возмущённо-насмешливый взгляд, будто говоря: «Ну что ты врёшь? Ты встанешь завтра утром, чтобы поехать за город смотреть на воду?!»

– Я действительно поеду погляжу, – обратилась Люда к профессору.

Алик замкнулась в надменном равнодушии. Енбаева спросила Лонгина Антоновича:

– Вы мне скажете номер телефона?

– Разумеется, – тепло ответил он.

К столикам подошли официантки с подносами, горшочки с говяжьим жарким распространяли соблазнительный аромат.

– Альхен... – произнёс профессор с грустной нежностью, – я прошу вас разделить трапезу с Виктором, он там заждался. А мы тут вдвоём с Людой угостимся и побеседу-

ем... Люда, вы не против? – перешёл он на бодро-шутливый тон.

Она была не против. Когда Алик садилась за столик молодого человека, Людмила не стерпела, бросила взгляд на них и едва не пропустила мимо ушей, что Лонгин Антонович сказал о соусе: он должен быть неплох. Профессор попросил поухаживать за ним, и она налила ему рюмку коньяка. Поддавшись уговорам, выпила шампанского.

– По-моему, вас не увлекают сельские истории, – проговорил её сотрапезник.

Она возразила. Дед рассказывал ей, маленькой, очень интересное.

– Например?

– Ну... откуда взялась наша фамилия. Она казачья – дед был уральский казак. Целую историю рассказал.

Лонгин Антонович отвлёкся от жаркого:

– Давайте её!

– Я помню, что она интересная, но саму её забыла, – простодушно сказала Люда.

Профессор подкидывал вопросы о другом, о третьем. Он услышал, что ей нравятся сказы Бажова, а из «произведений для взрослых» – рассказы Шукшина. Нравятся и стихи – особенно Людмилы Татьяничевой, челябинской поэтессы.

– У меня её книга есть, – сообщила девушка.

Выведал любопытный и то, что её любимый фильм – «Доживём до понедельника» и что она умеет жарить в сметане

карасей, начинённых пшёнкой кашей, отменно варит щи с мозговой костью и знает: на другой день после свадьбы положено есть уху.

Лонгина Антоновича всецело заняло приготовление супа из топора, правда, с одной поправкой, и, найдя, что не хватает лишь соли, он сообщил Енбаевой: у неё будут замечательные дети.

Блондин и блондинка сидели за столиком друг против друга, прикасаясь пальцами к стоящим перед ними бокалам.

– Что он говорил тебе? – спросил Виктор, впившись взглядом в её лицо.

Она, подавая себя *играющей девочкой*, шельмецки повела глазами. У неё с Велимиром, прошептала, зарождается некая родственность, только не тычь мне примитивным: «старик», «слепой»... я не живу грубо физическим, я – истая женщина в самом изящном смысле этого слова, у меня тонкие вкусы, причуды, капризы, я – *раффинэ*! Эмоционально жить означает для меня пленять и награждать, изошрённо распознавать прелесть в том, в чём остальные разбираются не лучше, чем свинья в апельсинах, так что приготовься... У него захолодели глаза. Уверена, что ловко дразнишь? Не считай меня тупицей, ревнивым хряком, я легко поддержал бы твой трёп – умею и почище, – но не та ситуация.

– Он может диктовать, – сказал Виктор со злобой к тому, кого имел в виду.

Алику показалось, парень не договорил: «Я боюсь его!» У тебя, подумала она, несомненно есть актёрские данные, и ты хочешь предстать в драматическом ореоле. Я, мол, противостоя сильному, опасному! Ей вспоминался обед у профессора, поведение молодого человека приоткрыло, что у него на

хозяйина зуб. Естественно, парня раздражало, полагала Алик, что слепой в ауре юной гостьи стал добиваться её расположения. Но вражда могла зародиться и раньше: возможно, Виктор помогает учёному в перспективной работе и считает, что тот занижает оценку его вклада. Ты мучаешься, что тебя используют, подумала она, но, может быть, ты преувеличиваешь, тебя не так уж обижают? Она решила, что будет влиять на Лонгина Антоновича ко благу Виктора.

– Я всё понимаю, – сказала она, – он постоянно у тебя на глазах, ему нужно то, другое, третье... он до смерти тебе надоел. Но будь снисходительным...

Алик продолжила мысленно: «Брось – я не вижу тебя его прислужником! Я вижу тебя гордым, сильным». Она могла бы заключить: «Просто тебе не хватало меня», – если бы только посмела претворить чувство в слова.

За ней следила, сидя за столиком с Дэном, Галя, задавшая ему вполголоса вопрос:

– Интересно, а как скоро она в этом избраннике разочаруется?

– Пари о сроке меня не привлекает, – ответил Пятунин и отправил в рот очередной кусочек мяса.

– Она не думает, что у старика и его подручного на уме? Старый со мной поболтал, деревенской свинопаске уделил внимания, а этот с Аликом занят. Мне кажется, – Галя хихикнула, – нас, троих девушек, хотят попробовать.

– Если для этого есть достаточные средства... – Дэн с

улыбкой налил ей вина, – я имею в виду не только деньги, но и связи, которые помогают исполнять желания... жизнь может удивительно измениться к лучшему.

– Циник! – она одёрнула его.

– Я всего лишь прямодушен. Почему и тебе не быть такой?

Галя, вспыхнув, искала что сказать, чтобы вышло натурально. Тут начались танцы.

Алик танцевала с Виктором, с Дэном, с незнакомыми мужчинами, которые наперебой её приглашали, и снова с Виктором. Ждала, он скажет, что завтра позвонит ей и они встретятся...

Лонгин Антонович позаботился, чтобы девушки и Дэн возвратились домой на такси. Можов вывел профессора из ресторана, и тот, стоя на тротуаре, прощался с отъезжающими. Алик, когда Виктор открыл для неё дверцу машины, садясь, снизу глянула на него требовательно. Он молчал.

«Держит паузу, чтобы увидеть меня просящей, – думала она по дороге домой и дома, – ставит меня вровень с теми, какие у него были».

Он не позвонил на другой день. Прошёл ещё день, ещё. Как она нервничала! её выпуклые чувственные губы были искусаны до крови. Чтобы легче переносить ожидание, обращалась к фантазии. Ей было дано претворять переживания в акварели, сугубо по-своему запечатлевая тех, кто близок или просто оказался рядом. Первого возлюбленного, её ровесника, который лишился невинности одновременно с ней, она оставила себе на память в виде солдатской пилотки бутылочного цвета, украшенной, вместо звёздочки, мордочкой котёнка.

Её вторым стал бесспорный чемпион института по девушкам, их длинноволосый баловень и мучитель, сказавший ей: «Наша постель ничего не значит». Помимо обиды, её поразило обозначение «постель» в его устах. Она изобразила его в виде согбенной фигуры, несущей на себе матрац. Позже она преподнесла незабываемую фразу Дэну... Но актёру Данкову так и не смогла сказать, что их постель не значит ничего, хотя кончилось именно тем.

Она всё более изощрялась в своеобразной творческой манере, дар создавать покровы помогал ей снимать их с характеров, схватывая сущностное. Дэн был обращён ею в кокетливо завязанный розовый бант: густо-розовый цвет переходил в бледно-розовый и окаймлялся слабым морковным. Ак-

тёр Данков, чувствительный лицемер, любитель похвалами вызывать боль и прикармливать всякий трогательный трепет, был лишён ясных контуров и представал как пятно Роршаха – психологический тест для проверки фантазии – растёкшиеся по листу и причудливо перемешанные кляксы, чередование фиолетового, синего, голубого цветов в богатой гамме их оттенков, с лёгкой примесью бордового.

Думая, как изобразить Гаглова, который занимал видную должность в облисполкоме – ведал культурой, – Алик мысленно усмехалась: *с тобой – ни за что!* Но не слишком ли настойчиво стремилась она отделаться от ощущения прикасающихся липких пальцев? Изрисовала лист отпечатками и пальцев, и ладоней: лиловых, грязно-серых, цвета портящегося мяса.

Проще всех было с Бобом: *вот уж нет!* Его портретом стал шар: тёмно-коричневая середина окружалась бурым, к которому поодаль добавлялось чуть тёмной и чуть светлой зелени.

Папки, посвящённые нескольким мужчинам, лежали в шкафчике – ими пренебрегали. Извлекалась лишь верхняя. Зажмурившись, Алик представляла лицо Виктора. Целовала-целовала... Так беспокойно, так невероятно трудно его ждать! сдерживать нежность... «Виктор, – она звала шёпотом, с ударением на втором слоге, растягивая «о», – Викто-о-ор...»

Она перебирала листы – рисунки всего того, во что хотела

бы одеть его... В первый же вечер после их знакомства, когда она ушла от него, чувствуя, до чего он не хочет, чтобы она уходила, Алик схватила за карандаши, но они дырявили бумагу, стержни ломались – она бросилась на софу. Её будоражило сознание, как он не хотел её отпускать! Она знала, что не заснёт – всю ночь представляя его тело и придумывая наряды для него... За неделю Алик создала невообразимый гардероб, где были вязанные комбинезоны, шальвары из ткани лаке, свободные расшитые куртки и узкие сюртуки, она облачала Виктора то в червлёную с застёжкой на груди епанчу, то в наряд, в котором наряду с замшевым полукафтаном присутствовали брабантские кружева и ботфорты...

Иногда, отложив рисование одежды, она бралась за портрет. В центре листа была ярко-красная маска, верхним и боковым краями из-под неё выдвигалась маска чёрная, из-под чёрной – стальная, из-под стальной – бронзовая... маски выглядели из-под масок, убегая вглубь: чем дальше, тем более размытые и бледные, и все они, наконец, замыкались в геометрически правильный восьмигранник, выложенный свинцом. Алик мастерски написала металл: казалось, тряхни как следует листом, и маски начнут с тяжёлым звяканьем падать на пол. Что под ними откроется?

Он позвонил на четвёртый день после субботнего банкета: профессор просит в пятницу после работы посетить его на даче. Алик сухо ответила:

– Я занята, у меня свои планы.

– Тогда я передаю ему трубку...

– Не сейчас. Я не одна, – солгала она голосом девушки, невинно говорящей правду, когда её не говорят.

На другой вечер позвонил Лонгин Антонович. Алик, сыграв колебания, неохоту, приняла приглашение.

Чёрной «волге» пришлось поскучать у подъезда, прежде чем появилось бедствие нескучающих в серебристо-серых брюках и в ярко-пунцовой блузке с широкими рукавами: воротничок-стойка переходил в бант, роскошные волосы были укрощённо подобраны вверх и заколоты. Перекинув куртку через руку, Алик приближалась к Виктору, который стоял у машины, держась за приоткрытую дверцу, и смотрел изнурённо: «Мучительно изысканная девочка!»

– Что случилось?

Он выдавил:

– Нет, ничего...

– Но я же вижу! Ты болен?

Он насильственно улыбнулся и жестом неудавшейся церемонности пригласил её в машину. Душа Алика заныла: профессор решил предпринять наступление и Виктора давит предвидение победы влиятельного старика. Лонгин Антонович возбуждал нарастающую досаду. «Старый немощный человек – какого чёрта ещё надо?!» Видит небо, как нелегко ей дастся жестокость.

Парень, с побито-тоскливым видом управляя «волгой», молчал. Схватить бы его за волосы и встряхнуть как следует.

– Что вы там мне готовите? – спросила она нервно.

Он прибавил скорость, проговорил бесцветно:

– Хочешь, чтобы я высадил тебя и разбился?

В охватившем её страхе ей захотелось притворно пошутить: «Кончай театр!» Справа заходило солнце, принуждая жмуриться. Не собирается ли профессор сообщить ей, что парень платит алименты? У неё зачесался висок. Автострада устремлялась к горизонту под тучкой, оставляя по бокам изрытую под строительство местность. Потом дорога стала хуже, они катили вдоль лесного массива, он поредел, и дорога повернула в него.

Въехали в открытые, очевидно, заранее ворота и оказались среди яблоневого сада. Множество яблок отягощало ветви, землю усеивала падалица, и это изобилие напоминало об обилии попрошайек, которые предпочитают вымогательство собирательству, подстрекая к наслаждению ограбить ворующих.

Виктор остановил машину перед просторным деревянным домом, обсаженным кустами, и, когда направились к двери, попытался обнять Алика. Он сделал это замедленно-трусовато – и она ошпаренно вскинулась:

– Брось!

– Пойми... – в каком-то горестном исступлении сказал он, – одно твоё слово – и ты ничего не потеряешь.

– Да что это? – выдохнула она в яростно-испуганном недоумении и отвернулась.

Он пропустил её в комнату, где весь пол покрывал ворсистый ковёр. В дальнем углу за письменным столом, на котором горела лампа, сидел, читая бумаги, человек. В первый же миг этот мужчина в джемпере показался Алику знакомым. Он оторвался от чтения: на неё смотрело продолговатое интеллигентское, с узким заметно выступающим носом лицо. Брат-близнец профессора?! Поражённая, она не сдержала смешка деланно-вежливой радости.

Мужчина был в очках – обычных, а ей так и виделась тёмные. Он снял очки как-то через силу, словно удовлетворяя слёзную просьбу и испытывая неловкость за просителя:

– Добрый вечер, Алла.

Её врасплох стиснуло всю, будто она проснулась и увидела в спальне чужих и раздетых.

– Вы-ы?!

Он встал из-за стола и направился к ней с видом степенного смирения.

– То, что я предстал перед вами слепым, прошу считать за причуду. Хотя она не беспочвенна. Меня, в самом деле, едва не оставили без глаз... и тем подсказали попробовать: подорожает ли солнце для того, о ком думают, что он не видит... – он напирал на неё какими-то ширящимися огнисто-плескучими голубыми глазами. – Оно подорожало! – произнёс то-

ном снявшего маску монарха.

Алик замерла от злости на этот бесстыжий взгляд любующегося собой надувательства, она терялась, какой бы одарить резкостью, но ей не дали раскрыть рта.

– Ваш вывих – склонность к коварству. Гладко вы проделали – набились на знакомство.

Она, как не заметив, проглатывала шип, стоя горделиво и одураченно.

Позади Виктор утеснённо выкрикнул что-то: она не слушала, шатко подавшись к двери – бежать в забытье. Лонгин Антонович словил её и доказал хваткой: его пожизне не хватит живости ни ускользнуть, ни выжить. Крепко обнимая Алику сбоку, он подвёл её к дивану у покрытой ковром стены:

– Сядьте!

Виктор подступал к профессору в перенапряжении гнева и как бы усилия выбрать: кинуться ли его душить или пнуть в пах?

– А ты вон туда сядь! – Лонгин Антонович указал рукой на венский стул у окна.

Алику только сейчас бросилось в глаза, что оба одного роста и в плечах профессор даже шире. Сидя на самом краешке дивана, она сцепила пальцы рук и стиснула колени так, точно её должны тащить к позорному столбу, и, не смея драться, она готова пассивно, но предельно упрямо мешать.

Лонгин Антонович, будто передавая ей нечто утешитель-

ное и стараясь, чтобы звучало подходчивее, проговорил:

– Этот молодой человек – во всесоюзном розыске как особо опасный преступник.

Она впилась взглядом в присевшего на стул парня, её руки вдавились в край дивана, словно она хотела помочь себе подняться и не было сил. Профессор стал рассказывать о похождениях пассажира, покинувшего поезд. Описывая, как тот убил двоих милиционеров, Лонгин Антонович время от времени оборачивался к Можову:

– Я не искажаю?

В первый раз тот бешено крикнул: – Нет! – а потом, словно еле держась на воде и боясь захлебнуться, лишь не сводил глаз с девушки.

Она, застыв, уставилась под ноги в узор на ковре, слушая продолжение рассказа: как парень бросился прочь от трупов на даче. Вдруг вскинула голову, невольно предоставив профессору полюбоваться маняще-прекрасной шеей:

– Викто-о-р, было?

Он с отталкивающе-фальшивой бодростью выкрикнул:

– Так точно! – хохотнул и, внезапно обмякнув, обратился к девушке: – Прости.

Лонгин Антонович высказал ей тоном соболезнования:

– Вам бы у него прощенья попросить...

Она глянула с испепеляюще-гадливый вопросом: «Как укусишь ещё, тарантул?»

Он словно бы сдержал вздох сожаления:

– До вас он жил не только хлебом, но и яблоками. Видите ли, его отец однажды спросил меня, не найдётся ли место? Оно нашлось... как и разъясняющие ответы. Всё вам изложенное я узнал от самого молодого человека. – Он обернулся за подтверждением, и Можов с закрытыми глазами трижды кивнул:

– Да! Да! Да!

Алик, будто силясь не закричать ему через комнату, сжала губы. Вы, два проходимца, лжёте-лжёте – старалась отстранённо твердить себе, а существо её противилось: ей сказали *правду*.

Лонгин Антонович был поглощён наблюдением за ней, Виктор вскочил со стула, горячо воззвал к девушке:

– Докажи, что меня не жалеешь...

Профессор вытянул к нему руку, властно-успокаивающе двинул ладонью сверху вниз, затем указал гостю на письменный стол с грудкой бумаг:

– Там всё зафиксировано. Дело будет представлено так: оно мне только сейчас стало известно, и я немедленно довожу до сведения... Ну, а в случае моей скоропостижной кончины сработает копия.

– Да я сам на себя заявлю! – утрированно грубо рыкнул Можов, вновь поднимаясь со стула. Глядя на Алика, он закричал, как кричат от нестерпимой боли: – Плюнь, плюнь ты на меня и на него-оо!

Она вздрогнула, глотая слёзы, чувствуя себя так, как если

бы её уносила бурная река к водопаду и не за что было ухватиться. Профессор меж тем говорил Виктору:

– Да посиди ты спокойно! А Алла пусть посмотрит на тебя повнимательнее... – он встал боком к девушке, с нею вместе разглядывая молодого человека. – Здоровый – кровь с молоком! Про красоту уж и не заикаюсь. Так вот, на него наденут наручники, – приступил к пояснениям Лонгин Антонович, – в МВД хватает садистов, а тут – какой предлог! расквитаться за своих убитых!.. Его будут пытаться, сколько протянется следствие. Представьте его тело с красно-бурыми полосами на спине, полосы испещрены бескровными трещинами глубиной до рёбер: не ранами, а трещинами, какие бывают на сильно изношенной резине. Тело живого человека с расплывающимися тканями... Представьте его руки с оголёнными у локтей костями... Не машите руками – всё это сделаете вы вашим отказом!

У неё вырывалось сквозь рыдания:

– Вы маньяк! Какой вы гнусный, гнусный...

Он невозмутимо произносил:

– Представьте его дни, ночи перед расстрелом, сколько он переживает, переживёт в ожидании... Я интересовался процедурой, при моих связях моё любопытство оказалось удовлетворено. Приговорённых к расстрелу держат отнюдь не в одиночках – в стране коммуналок это было бы слишком экстравагантно. Смертники скученно сидят в узкой камере без окон – в бетонном пенале. Непрерывно горит скрытая

стальной сеткой лампочка, в унитазе всё время журчит вода: в него справляют нужду, но из него же и пьют. Умывальник или иное подключение воды не предусмотрены.

Лонгин Антонович переступил с ноги на ногу перед сидящей на краю дивана девушкой:

– Стальная дверь после щелчка распаивается, и перед узниками возникает группа мордоворотов – они приняли водки, пожрали колбасы, в них каждый мускул лютует от предстоящего. Предвкушая кровь, они наслаждаются прелюдией – бросаются с дубинками на узников, молотят их. Тем положено сгибаться до полу. Пьяные хамы с налитыми кровью глазами рычат, хрипят, тратя в ударах злобу, которой в них через край. Наконец сосредотачиваются на одном смертнике, которому нынче вышел срок. Его бьют до того, что на ноги он поднимается лишь с их помощью. Ему заламывают за спину руки, волокут по коридору в камеру со сливом в цементном полу, ставят на колени – и палач, прижав дуло пистолета к его затылку, стреляет.

Профессор почёл за нужное уточнить, демонстрируя скрупулёзность подхода к вопросу:

– Пистолет специально приспособлен: в стенках ствола просверлены отверстия, чтобы сбросом газов ослабить удар пули. Она не должна пробивать голову навывлет, не к чему разбрызгивать кровь, частицы мозга. От пули требуется войти в череп и застрять в мозгу.

Лонгин Антонович прохаживался по ковру перед девушкой, тёмный джемпер облегал его нестариковский могучий торс. Можов, встав со стула, обращался к Алику тоном бессознательного упрямства:

– Мне нужно одно: чтобы ты говорила «нет», чтобы ты не досталась ему! А на расстрел мне плевать-плевать!

Она видела парня сквозь красноватую пелену, застилающую зрачки. Пелена сменилась полуобморочной мутью – она перевела взгляд на профессора, который так и лучился теплом, произнося:

– Конечно, вы можете внушить себе, что мы вам врём, и уйти. Но когда узнаете о суде, что вы будете чувствовать...

Алик зло всхлипнула, набрала в грудь воздуха:

– Вы хотите от меня... куда мне пройти? – на грани срыва голос зазвенел вызовом безысходности: – *Или это должно происходить здесь?*

Он отступил от неё на шаг, с насмешливой меланхолией произнёс:

– Я понимаю – вам желательно видеть меня самым гнусным, грязным из подонков. Пожалуйста, не удивляйтесь, но я против. Почему вы не учитываете мои плюсы? – он укоризненно умолк, затем повысил голос: – Я сочувствовал и сочувствую ему! Разве я подвёл его? Его слабости, его нуж-

ды я понимаю лучше его самого. Когда ему очень хотелось выпить, он выпивал, хотелось женского общества – что же, он это имел.

Лонгин Антонович повернулся к сидящему на стуле Мозову и уставил в него указательный палец, говоря с усталым гневом:

– Я, как приставленный к нему, следил, чтобы он не ударился в излишества. Это у него, инфантильного типа, на уровне детского хвастовства. И недетской мании исключительности. – Профессор вновь обратился к девушке: – Ну как не открыть в миг полёта, что ты – нечто особо роковое? Я видел, как его тянуло похвастать передо мной, потрясти меня – кто поселился под моей крышей! И как было его не подзавести? Я подзавёл и узнал то, что эта несчастная душа не смогла в себе похоронить.

Алик прошептала беззвучно: вызовите мне такси.

Ничего не услышавший профессор слегка кивнул и проговорил удручённо:

– Проклинаете нас обоих? Ну зачтите мне плюс – узнав, я пошёл на сокрытие тягчайших преступлений. Ради молодого человека я напрашиваюсь на пакость суда, тюрьму...

Она опустила веки, взмахнув ресницами.

– Зачла!

Какую весёленькую жизньюху вели эти двое, думала она, а ты отменно постаралась оказаться третьей! И довольно! Ты сейчас действительно уйдёшь, потому что они нагородили

гору лжи.

– Скажи «нет»! – раздался выкрик Можова, на сей раз надсадный.

Таким, каков он теперь, немыслимо притвориться: дурновато-жалким, словно собравшимся надеть петлю в ужасе перед чем-то более страшным. Она порывисто отвернулась, с силой двинувшись всем телом, и теперь сидела на краешке дивана боком. Профессор любовался ею, охватывая взглядом её профиль, выпуклость грудки, округлое бедро, обтянутое материей брюк. Он словно захотел развести руками, но лишь немного приподнял их:

– Вы всунулись в нашу жизнь. Вы сделали так, что ни он, ни я уже не можем жить, как прежде. Вам остаётся или благословить его на камеру смертника, или выйти за меня замуж.

Она, бросив на диванную подушку руки, прижалась к ним лицом, её плечи дёрнулись в плаче. Он склонился над ней:

– Вы обязаны себе и только себе, что я не могу без вас.

Судорожный плач не давал ей говорить:

– За...чем вам жени...ться? Я могу и так...бу-у...дьте спокойны!

– Вы невозможны, Алла! – сказал он более растроганно, чем было надо, и добавил тоном всего навидавшегося человека: – Я не стою вашего мизинца, и потому вы должны быть моей женой. Такой я циник!

Она рыдала, уткнувшись лицом в свои руки, скрещённые

на подушке дивана, в то время как профессор сообщил с видом благодетеля, который устал, но ни за что этого не признает:

– А Можов женится на Енбаевой.

Алик, умолкнув, услышала, что Люда ради Виктора осталась в городе, поступила учиться на водителя троллейбуса, ей дали место в общежитии. Это та, для кого мир станет совершенным – когда она выйдет за любимого. Она его не подведёт – и узнав, что он поубивал сотни. Такие простят любое зло суженого уже лишь за то, что это не любовь к другой.

Можов на стуле у окна, за спиной профессора, отстраняюще выбросил руку:

– Со мной – не выйдет!

Лонгин Антонович глубокомысленно хмыкнул. Девушка оторвалась от подушки, села на диване и переводила взгляд с одного на другого. Профессор продолжил: молодые будут жить в посёлке на юге области, с работой всё устроится. Родят ребёнка – купит им дом.

У Алика блеснули слёзы, тонкое, жгуче-нервное лицо улыбалось, и то был её проклинаящий крик. Малый глядел на неё, как сжигаемый еретик глядит на ту, за кого он скоро будет ходатайствовать на небе.

– Я сделаю – что ни хрена ему не обломится!

– Помолчи-ии... – измученно адресовала она ему и бросила профессору: – Какую подлость вы делаете!

– Ну что вы – я спасаю его, – сказал тот с любезным вы-

ражением, с каким отвечают на любезность. – Около него должна быть женщина, которая посвятит ему жизнь, не давая распусться. Он будет знать, что за нею стою я, что она немедля просигналит мне в случае чего... Человек заживёт по заведённому порядку, окружённый заботой, не допускаемый к краю пропасти... – Лонгин Антонович лучезарно улыбнулся Алику: – Считаете – он не испытает с Людой радости? Ах, эта ревность...

Её так и подбросило. Стоя перед ним, разъярённо метнула ему в лицо:

– Сволочь!!! – с наслаждением представила, как вонзает в его подглазья длинные ногти.

Он бесцеремонно схватил её за запястья. Подбежал Можов – у Алика вырвалось:

– Всё, всё, всё!!!

Профессор выпустил её руки, она спросила, где ванная. Он проводил её в ванную, Алик потребовала, чтобы он принёс её сумочку.

Заперевшись, открыла кран и под шум воды нарыдалась вдосталь. Потом, вынув из сумочки косметичку, перед зеркалом постаралась вернуть себе должный вид и вышла.

Лонгин Антонович, стоя в коридоре, заканчивал разговор по телефону. Алик ни на кого ещё не была так зла, но ни за что себе не призналась бы, как не хочет увидеть по его глазам, что выглядит она сейчас неважно. Он положил трубку и сказал в открытую дверь комнаты:

– Завтра к одиннадцати утра подъедешь за Людой.

Виктор не отозвался, профессор стал наставлять его, какой подарок купить, как поднести, а Алику виделось: она помогает слепому всходить по лестнице, и он изображает одышку. Сейчас у него беззаботно-прямая спина, а выражение, когда он повернулся к девушке, такое, словно он приглашает сесть на эту спину и прокатиться. Алик подумала: не будет ли лучшим ответом застенчиво улыбнуться, идя в открытые двери угрозой для беззастенчивости?

– Может, нам не стоит в таком же темпе? – спросила она Лонгина Антоновича – он жадно вобрал в себя услышанное, пристальный к каждой нотке. Прищёлкнул пальцами, как если бы она выразила то, о чём он только и мечтал:

– Именно! Предоставим нашему другу, – он процитировал: – «готовиться к тому, чтобы в слезах от жизни просить бессонницы у любви»! А мы вдвоём едем удить рыбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.